ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ
Мир вокруг нас и мы сами полвека спустя

Содержание

От автора …… 2
1. Поступь «общества потребления» ……... 2
2. Компьютеризация …… 4
3. Освоение космоса …… 6
4. Образование …….. 8
5. Медицина …… 11
6. Точные и естественные науки ……... 12
7. Историческая наука ……..... 14
8. Возвращение на Волгу ……..…….. 16
9. Религия ……..…… 17
10. Политические взгляды ……..…… 18
11. Потому что оно Маркса ……..... 20
12. Марксизм как наука и утопия ……..…… 21
13. Пролетарская революция ……..... 22
14. Октябрьский переворот ……..…….. 23
15. Первая мировая война ……..… 24
16. Советские вожди ……..…. 26
17. Коллективизация и раскулачивание ……..…... 32
18. Политические репрессии ……..…… 33
19. Пакт Молотова – Риббентропа ……..... 35
20. Вторая мировая война ……..…… 37
21. Диссидентство ……...… 39
22. Закат советской экономики ……..…… 40
23. Мировая экономика ……..… 41
24. Реставрация капитализма ……..…... 43
25. Противоборство с Западом ……...…… 45
26. Россия и Германия ……..…... 46
27. Загадочный Китай ……..... 48
28. Мятежная Польша ……..…... 49
29. Угроза новой мировой войны ……..…… 51
30. Перспективы развития человечества ……..… 52
Вместо послесловия ……..…….. 53

От автора

Название этих очерков памятно мне с давних пор – правда, не на русском, а на моем родном немецком языке („Einst und jetzt“). Наша семья с начала 1960-х гг. выписывала московскую немецкую газету „Neues Leben“ («Новая жизнь»), где была рубрика „Schwanken von einst und jetzt“, т.е. юморески прежних и нынешних времен, наиболее популярная среди тогдашних читателей этого издания, включая и моих близких.

Сказанное вовсе не означает, что мне хотелось бы предложить вниманию читателя сборник своих юморесок. Юмор я ценю, но писать в этом жанре никогда не пытался. Мое намерение гораздо прозаичней и в то же время амбициозней: попытаться показать, в каких направлениях и в какой мере изменилась наша и моя собственная жизнь за последние полвека. Изменилась не только и даже не столько с точки зрения ее внешних атрибутов, сколько в отношении нашего мировоззрения и идейного багажа.

Полувековой срок избран мной не случайно: именно столько времени протекает в среднем с момента созревания человека до окончательного формирования его личности, т.е., условно говоря, с 20 до 70 лет. Иными словами, это самый продолжительный период, который человек может воспринять в своем сознательном возрасте и потому в состоянии осмыслить достаточно детально. В случае нашего поколения, уроженцев первого послевоенного десятилетия, речь идет о периоде со 2-й половины 60-х годов и до наших дней.

За указанные годы жизнь, конечно, изменилась до неузнаваемости, и это принято считать отличительной особенностью нашей стремительной бурной эпохи. Отсчитав, однако, от 1970 г. еще 50 лет в прошлое, мы окажемся в 1920 г., похожем на мир полувековой давности ничуть не больше, чем последний на наш нынешний.

Полвека – большой срок, и осмысление изменений, произошедших за это время, может, полагаю, приблизить нас к пониманию сущностных черт нашей чрезвычайно многоликой и изменчивой жизни. Подобные соображения и побудили меня взяться за нелегкий труд, каковым является сопоставление нынешнего мира с миром 100-летнего ленинского юбилея (1970 г.) и раннего брежневского «застоя» в СССР, а за его пределами – с миром разгара многолетней войны США во Вьетнаме и первой высадки человека на Луну.

1. Поступь «общества потребления»

Материальная сторона нашей жизни за эти 50 лет нашла отражение в первую очередь в идеях «общества потребления», как бы мы ни относились к ним сегодня или в прошлом. До середины 1950-х гг. экономическая жизнь в СССР характеризовалась неизменным преобладанием выпуска средств производства над производством предметов потребления. Затем ситуация начала понемногу меняться, но до «общества потребления» в западном смысле этого понятия нашей стране было по-прежнему далеко.

Сам термин «общество потребления» был нам полвека назад уже известен, хотя и мало о чем говорил. С личным потреблением дело в тогдашнем СССР обстояло, прямо скажем, не ахти, однако его население, как ни странно, это не особо тяготило. За полтора послесталинских десятилетия повседневная советская жизнь изменилась на наших глазах – мы стали получше питаться и одеваться, жить в более комфортабельных квартирах, у нас появились некоторые возможности для полноценного досуга и отдыха, и это большинство из нас вполне устраивало.

В столичных, а также портовых городах СССР, насколько нам было известно, ситуация складывалась иначе. Тут о западных стандартах потребления знали не только понаслышке или по радиопередачам «вражьих голосов», но и по глянцевым пропагандистским журналам, доходившим туда из стран Запада, по тамошним джинсам, кроссовкам, жевательным резинкам, прохладительным напиткам, портативным радиоприемникам и магнитофонам, служившим предметами вожделения, а то и фарцовки у наиболее предприимчивой советской молодежи.

Правители СССР обратили внимание на этот «потребительский бум» во времена Н.С. Хрущёва. Считается, что поводом к тому послужило посещение нашим лидером первой в СССР Американской национальной выставки, состоявшейся в московском парке «Сокольники» летом 1959 г. На открытие выставки прибыл вице-президент США Р. Никсон, и между ним и Хрущёвым состоялись знаменитые «кухонные дебаты» на предмет сопоставления американского и советского качества жизни. Задним числом Хрущёв отозвался о выставке весьма пренебрежительно, однако представленные там бутылочки пепси-колы, американские легковые автомобили и предметы повседневного спроса впечатлили, судя по всему, и его.

Во всяком случае, «потребительская» тематика проникла вскоре даже в текст хрущёвской Программы КПСС (1961 г.), где жирным шрифтом была увековечена задача «всемирно-исторического значения» – «обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма». Увы, за оставшиеся 3 года пребывания Хрущёва во главе СССР уровень жизни советского населения только падал.

С приходом к власти его преемников ситуация несколько выправилась, но до 2-й половины 80-х гг., когда горбачёвские «реформы» вызвали обвал советского потребительского рынка, никаких кардинальных изменений в этой сфере не произошло. Брежневское руководство не увлекалось громогласными призывами к повышению жизненного уровня населения – оно было гораздо больше озабочено созданием «общества потребления» для себя самого. Отметим, что в хрущёвский период такое «обуржуазивание» правящей верхушки еще не считалось ее представителями в порядке вещей. При Л. Брежневе последних революционных романтиков сменили у власти безыдейные и корыстолюбивые бюрократы, в результате чего буржуазное перерождение советской «элиты», обернувшееся крахом коммунистического режима во времена М. Горбачёва, развернулось полным ходом.

Первыми серьезными критиками «общества потребления» стали, в сущности, не советские и прочие коммунистические идеологи, а члены Римского клуба, начавшего функционировать на рубеже 60-х и 70-х гг. Эти ученые и общественные деятели впервые убедительно показали, что безудержный рост личного потребления ставит человечество перед неразрешимыми экологическими проблемами. В наши дни, полвека спустя, очевидно и другое: устойчивое наращивание глобального потребительского спроса требует непрерывной экспансии рыночной экономики, что совершенно невозможно в условиях, когда она уже практически охватила территорию всего Земного шара.

Мое скептическое отношение к «обществу потребления» полвека назад было вызвано в первую очередь тем, что я не мыслил себе потребление как важнейшую жизненную цель человеческого общества. Сегодня я могу подкрепить эти общие соображения 15-летним опытом проживания в Германии, ведущей европейской стране «общества потребления».

Наращивание личного потребления здесь практически прекратилось еще три десятилетия назад, с началом объединения Германии. Аналогичные тенденции наблюдались и в других развитых странах Запада, где не имели места столь дорогостоящие преобразования, далеко не эффективные в экономическом отношении.

Причина проста: с распадом СССР западным государствам больше не было нужды постоянно демонстрировать превосходство своего общественно-политического строя, и их власть имущие возвратились к жизни в собственное удовольствие, перестав обращать внимание на уровень потребления основной массы граждан.

Для этого, естественно, потребовалась соответствующая «переналадка» хозяйственного механизма, которая в Германии была произведена в начале XXI в., как ни парадоксально – при «красно-зеленом» правительстве Г. Шрёдера, хотя здешние «красные» (социал-демократы) традиционно лоббировали интересы малообеспеченных слоев населения. С тех пор реальные доходы этой части германского общества, включая немцев-переселенцев с территории бывшего СССР, к которым принадлежим и мы с женой, демонстрировали лишь регрессивные тенденции.

Этот процесс нашел наглядное отражение в структуре торговли предметами личного потребления, в первую очередь продовольствием. Соответствующие торговые заведения для людей с относительно высокими доходами стали постепенно сворачиваться: сначала закрылся продовольственный магазин „EDEKA“ неподалеку от нас, а недавно – и универсам „Real“ в пригороде Тюбингена, самый крупный в нашем районе Земли Баден-Вюртемберг. Зато все более пышным цветом расцветают продуктовые магазины „Tafel“, рассчитанные на неимущие, откровенно маргинальные слои населения.

Закат «общества потребления» стал особенно очевиден в условиях эпидемии «коронавируса» и параллельного сворачивания экономических связей с Россией в результате радикальных антироссийских санкций, введенных Германией сообща с другими странами Запада. Соответственно перестроилась и германская пропаганда – до такой степени, что создается впечатление о перерастании западного «общества потребления» в «общество выживания».

2. Компьютеризация

Самым поразительным изменением в мире за последние полвека я считаю стремительное распространение персональных компьютеров и всемирной сетевой «паутины» Интернета. Эти далеко идущие перемены впечатлили меня еще и потому, что мне довелось быть одним из множества людей, так или иначе причастных к их начальным стадиям, – в 1972-77 гг. я занимался программированием на тогдашних советских электронно-вычислительных машинах (ЭВМ) в отделе математического моделирования (с 1973 г. – отдел кинетики и моделирования) новосибирского Института катализа.

Этот институт по-прежнему существует и, более того, известен далеко за пределами новосибирского Академгородка, но нашего отдела, руководимого в мою бытность членом-корреспондентом Академии Наук М.Г. Слинько, в составе института больше нет – он был расформирован еще в 2000 г. Последнее событие, как мне представляется, было связано не только с уходом Слинько из института, но и с окончательным выходом из строя той электронно-вычислительной техники 60-70-х гг., которой отдел располагал в наше время. Заменить ее, судя по всему, оказалось нечем – в первую очередь, думаю, по финансовым причинам.

У нас в отделе стояли две цифровые ЭВМ типа «Минск», наиболее распространенного в тогдашнем СССР, – Минск-2 и Минск-32. Первые из них к тому времени уже сняли с производства, однако вторые выпускались по-прежнему, хотя могли считаться передовыми образцами вычислительной техники разве что с десяток лет тому назад. Некоторые задачи по оптимизации каталитических процессов, требовавшие особенно долгого счета, мы обсчитывали в Вычислительном центре Академгородка, расположенном по соседству с нашим институтом. Там была

установлена самая крупная советская ЭВМ того периода – одна из последних разновидностей машин типа БЭСМ. Языками программирования у нас были: на БЭСМ – Алгол-60, на Минске-32 – Фортран, а на Минске-2 – Автокод «Инженер» (АКИ), нечто вроде русифицированной версии Фортрана. При этом в первом случае информация вводилась в ЭВМ с помощью перфокарт, а в остальных – перфолент.

Доступа к американской и прочей западной, наиболее «продвинутой» вычислительной технике не имели в то время ни мы, ни остальные советские НИИ. В этих стесненных обстоятельствах наш отдел наладил сотрудничество с югославами, в результате чего у нас появилась аналоговая ЭВМ, а также настольная вычислительная машина югославского производства. На последней я обсчитывал в 1976 г. свою дипломную работу по экономической статистике ФРГ и могу засвидетельствовать, что она была значительно более быстродействующей и удобной в обращении, чем соответствующая советская техника того периода.

Сотрудники нашего отдела частенько сетовали на отсталость отечественных ЭВМ на фоне западных, но как преодолеть это отставание, они толком не знали – видимо, точно так же, как и все тогдашние советские специалисты по электронно-вычислительной технике.

Велись у нас разговоры и о перспективах развития ЭВМ, включая создание чего-то подобного будущему Интернету. Однако все это были лишь догадки и предположения, навеянные не столько профессиональными знаниями, сколько соответствующими сюжетами популярных в те годы писателей-фантастов – А. Азимова, братьев Стругацких, С. Снегова. Работы по созданию Интернета к тому времени уже начались, но были настолько глубоко засекречены, что иметь какое-то реальное представление о них мог лишь узкий круг специалистов.

Мое приобщение к нынешней вычислительной технике началось весной 1993 г., когда персональные компьютеры системы «Эппл Макинтош» были установлены в центральном офисе Общества российских немцев «Видергебурт» («Возрождение»), где я в то время работал. «Макинтоши» получили широкое распространение примерно за 10 лет до этого и были до середины 90-х гг. самым массовым типом персональных компьютеров.

По роду своей деятельности в нашем офисе я занимался в основном составлением разнообразных текстов, и «Макинтош» заметно облегчил мне эту непростую работу. Кроме того, я к тому времени начал писать свою первую книгу «Прощальный взлёт» и надеялся, что с компьютером дело у меня пойдет значительно проворней. Между прочим, незадолго до этого мне стало известно, что мой любимый писатель-фантаст Станислав Лем давно уже пишет свои книги на компьютере. Мои ожидания от «Макинтоша» оправдались с лихвой. Думаю, без компьютера я бы никогда не создал своих многочисленных книг – писать, водя по бумаге ручкой или карандашом, мне почему-то не нравилось с детских лет.

«Макинтош», а также лазерный принтер к нему прослужили мне почти 10 лет, до осени 2002 г., хотя эксплуатировал я их нещадно. После этого перешел на ноутбук системы «Майкрософт Виндоус», распространенной к тому времени гораздо шире «Макинтоша».

Интернетом я стал регулярно пользоваться только полтора десятилетия спустя после приобщения к персональным компьютерам – с выездом в Германию в 2007 г. Поначалу много времени уходило на общение по электронной почте или на сайте «Одноклассники» с давними и вновь обретенными знакомыми. Увы, основная масса моих партнеров по переписке быстро утратила к ней вкус, все чаще предпочитая ограничиваться присылкой разного рода красочных картинок, малоинтересных для меня.

Постепенно я оценил и другие достоинства Интернета – прежде всего массу выложенной в нем информации, пригодившейся мне в моей работе по исследованию истории российских немцев. В качестве примера назову хотя бы ранее не публиковавшиеся материалы демографических переписей СССР по его немецкому населению. Кроме того, я постоянно нахожу в Интернете интересующие меня сведения общественно-политического и научного характера, прослушиваю выставляемые там аудиокниги, в т.ч. с новинками художественной литературы.

Я не разделяю критиканского отношения к сети многих ее современных пользователей, называющих Интернет, в частности его Википедию, чуть ли не «информационной помойкой». Разумеется, далеко не всем выставленным там материалам можно безоговорочно доверять, но в той или иной мере это относится к любым источникам информации. Степень достоверности данных из Интернета чаще всего вполне поддается проверке, надо только не жалеть на нее времени и усилий.

Другое направление компьютеризации, увенчавшееся появлением мобильных телефонов, а затем и разного рода смартфонов («гаджетов»), произвело на меня гораздо меньшее впечатление. Привычки к телефонным разговорам у меня не было никогда (первый квартирный телефон появился в нашей семье только в 1985 г., в мои 34 года), а мобильным телефоном мне довелось пользоваться всего несколько недель в 2007 г. Смартфоны мне и вовсе в диковинку – не представляю, какую пользу для себя я бы мог из них извлечь. Скажу больше: я не вижу ничего позитивного в нынешнем повальном увлечении ими, сколь уязвимой для обвинений в консерватизме и замшелости ни могла бы показаться сегодня эта моя позиция.

3. Освоение космоса

Если всеобъемлющая компьютеризация явилась для нашего поколения самым потрясающим сюрпризом, то развитие событий в «космической отрасли» – пожалуй, наиболее сильным разочарованием.

1960-е годы целиком прошли под знаком все новых достижений в освоении космоса – от первого орбитального полета Ю. Гагарина (1961 г.) до высадки американцев Н. Армстронга и Э. Олдрина на Луну (1969 г.). О космических полетах постоянно писали не только газеты и журналы 60-х годов, но и книги необычайно популярных в те времена писателей-фантастов. Приходится ли удивляться, что Космосом бредили в этот период как мечтательные подростки, мои сверстники, так и многие взрослые люди?

Тогдашние публикации о космонавтике то и дело цитировали вещие слова ее основоположника К. Циолковского: «Земля – это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Мы, наиболее ревностные поклонники освоения космоса, однозначно воспринимали эту крылатую фразу как магистральную цель развития космонавтики. Полеты вокруг Земли или на Луну казались нам всего лишь первыми шагами на пути постепенного переселения людей в далекие инопланетные миры. В то время темпы роста населения Земного шара уже достигли таких масштабов, что в необходимости для человечества заняться в не столь отдаленном будущем внеземной экспансией и колонизацией было трудно усомниться.

Ближайшие и перспективные научно-технические задачи освоения космоса совершенно заслоняли от нас тот неоспоримый факт, что мировая космонавтика 1950-60-х годов была в первую очередь продуктом советско-американского военно-политического противоборства. Впрочем, во времена Н.С. Хрущёва и С.П. Королёва бескомпромиссное противостояние в космосе между СССР и США затушевывалось тем обстоятельством, что Королёву, страстно увлеченному научными и техническими

аспектами космонавтики, в какой-то мере удалось заразить своим энтузиазмом и нашего малограмотного, но увлекающегося политического лидера.

Со смещением Хрущёва в 1964 г. и безвременной кончиной Королёва в 1966 г. ситуация в корне изменилась – преемники нашего первого Главного конструктора космической техники далеко не обладали его харизматичностью и пробивными качествами, а в советской верхушке больше не было деятелей, готовых выделять громадные средства на космические программы, не сулящие прямых военно-стратегических выгод. В США дело пока еще обстояло иначе: запуск в СССР первого искусственного спутника Земли (1957 г.) и полет Ю. Гагарина явились такими ошеломительными ударами по военно-техническому и научному престижу США, что их молодой амбициозный президент Дж. Кеннеди добился выделения многомиллиардных сумм под программу «Аполлон», нацеленную на то, чтобы американцы, по крайней мере, опередили СССР в высадке человека на Луну.

После достижения этой цели США совершили еще 5 успешных посадок на Луну, которые, правда, означали в основном повторение их первой лунной экспедиции, и в 1972 г. американская программа «Аполлон» была тем самым исчерпана. В 1975 г. произошло, пожалуй, последнее событие в космосе, привлекшее к себе всеобщее внимание, – совместный советско-американский орбитальный полет по программе «Союз – Аполлон», которая, однако, не получила дальнейшего развития. С тех пор в освоении космоса царит своего рода «застойный период», продолжающийся уже в несколько раз дольше брежневского.

Конечно, в обоих случаях «застой» вовсе не означал полного прекращения прогресса, однако факт остается фактом: бурный всплеск космонавтики в первые 15 лет ее существования (1957-72 гг.) сменился полувековым периодом развития по принципу «ни шатко ни валко». Самая нашумевшая космическая программа этого полувека – создание многоразового орбитального корабля в США (проект «Спейс шаттл») и его советского аналога «Буран» – обернулась для американцев двумя крупнейшими катастрофами в космосе, а для СССР – и вовсе единственным полетом, к тому же в беспилотном режиме. В начале 70-х гг. энтузиасты космических полетов и помыслить не могли ни о чем подобном.

За истекший с тех пор период освоение космоса развивалось в различных направлениях: беспилотные исследования планет Солнечной системы и дальнего космоса, функционирование на орбите Земли Международной космической станции (МКС), появление частной космонавтики и космического туризма. В эти годы к двум традиционным лидерам мировой космонавтики, США и СССР/России, присоединился Китай, запустивший в 1970 г. свой первый искусственный спутник Земли и приступивший с 2003 г. к пилотируемым орбитальным полетам.

В последнее время в трех этих странах пришли к выводу, что настала пора реализовать гораздо более амбициозные космические проекты, связанные в первую очередь с возобновлением освоения Луны. В данной связи специалисты уже заговорили о «второй лунной гонке». В частности, появилась американская лунная программа «Артемида», нацеленная на создание с 2024 г. постоянной базы на Луне, что, по идее, могло бы облегчить пилотируемые полеты на Марс, начать которые в США, России и Европе предполагается в 2045-50 гг. Американцы всерьез задумались даже о безвозвратной отправке людей на Марс с целью его колонизации. Китай планирует начать пилотируемые полеты к Луне и создание своей лунной базы к 2030 г.

Мне представляется, что в обозримом будущем вложение крупных средств в освоение Луны маловероятно. Военно-стратегического значения присутствие на Луне сегодня не имеет, а смысл ее научного исследования в основном сводится к тому, что познание геологического строения Луны может позволить получить дополнительную информацию о строении и развитии самой Земли. Пилотируемые полеты на Марс с

целью его изучения сулят гораздо более значительные результаты, хотя при этом трудности и затраты возрастают, конечно, во много раз.

Помимо всего прочего, освоение космоса значимо для человечества еще и потому, что традиционно служит важной движущей силой научно-технического прогресса в самых разных сферах. И если мы хотим, чтобы последний процесс развивался впредь столь же динамично, как полвека назад, то нам никуда не уйти от резкого наращивания усилий в области космонавтики.

4. Образование

В течение трех последних советских десятилетий моя жизнь была связана с системой образования самым непосредственным образом – сначала в роли школьника и студента, затем вузовского преподавателя. И хотя мое продвижение по этой стезе складывалось достаточно успешно, к советской образовательной системе я относился до поры до времени весьма критически. Смысла известного афоризма «Все познается в сравнении» применительно к образовательной сфере я тогда еще совершенно не понимал.

Советская система образования всегда отличалась чрезвычайной изменчивостью. Конец 50-х гг., когда я пошел в школу, оказался далеко не худшим периодом этого многолетнего процесса. Незадолго до того в советских школах было, например, введено всеобщее семилетнее обучение. Тогда же наша школьная жизнь избавилась от наиболее одиозных элементов, привнесенных в нее накануне и во время войны, – платы за учебу в старших классах, а также раздельного обучения мальчиков и девочек. Вскоре, под предлогом «укрепления связи школы с жизнью», в школах вводятся «трудовое политехническое обучение» и 11-й класс, а всеобщее 7-летнее образование становится 8-летним. Впрочем, эти «экспериментальные» новшества (за исключением последнего) оказались недолговечными и исчезли из советской школы еще в нашу бытность учениками.

Обучаясь в начальной школе, я над особенностями советской системы образования, естественно, не задумывался. Зато наиболее явные проблемы нашей тогдашней школы стали мне ясны уже через несколько дней пребывания в ее стенах: донельзя переполненные школьные классы (до 35-40 учеников) и чрезвычайно пестрый состав учащихся.

Первый из этих недостатков объяснялся тем, что строительство новых школьных зданий и подготовка для них учителей хронически отставали от громадной рождаемости, царившей в СССР в послевоенные годы. Вторую проблему, казалось бы, было несложно разрешить за счет ранней дифференциации учащихся в зависимости от уровня их подготовки. Так считал одно время и я, пока не уразумел, что присутствие в классе сильных и слабых учеников вполне может пойти на пользу и тем, и другим, если первые привыкают приглядывать за вторыми (в мои школьные годы это явление было принято называть шефством), а те стараются подтянуться к первым. Маразматичная идея постсоветской системы образования о массовом создании отдельных школ для «избранных» и «простонародья» тогда еще, к счастью, мало кому приходила в голову.

Вскоре я осознал и другую особенность советской школы – весьма высокий уровень преподавания. Скажем, в начальной школе я учился в двух классах (с связи в переездом нашей семьи с окраины города в городской центр), и обе мои учительницы отличались как отменным профессионализмом, так и неподдельной любовью к детям и своему нелегкому труду. Позже я обнаружил, что подобными качествами обладали и некоторые другие наши учителя. Думаю, это связано с тем, что престиж учительской профессии был в те годы высок, и в педагогические учебные заведения поступали многие одаренные люди.

Современная система школьного образования в России отличается, как известно, постоянной заменой учебников и изданием целого набора их альтернативных версий, что особенно характерно для гуманитарных дисциплин (история, литература и т.п.). Такого гипертрофированного внимания к учебникам мы, будучи школьниками, и представить себе не могли. Нам было хорошо известно, что успехи в учебе в гораздо большей мере определяются уровнем преподавания, чем качеством соответствующих учебных пособий. К примеру, я сам старался быть повнимательней на уроках (если, конечно, мне было там интересно), дабы после возвращения из школы заглядывать в учебники как можно реже. Такое отношение к учебе позволяло мне, в частности, свести до минимума время выполнения домашних заданий. Дикую перегруженность ими нынешних школьников я не могу назвать иначе, как сумасшествием.

В старших классах мое критическое отношение к советской образовательной системе постепенно сошло на нет. Я с 8-го класса стал участвовать в математических олимпиадах на высших уровнях (всесоюзном, всероссийском, всесибирском) и в итоге быстро убедился, что качество преподавания в нашей периферийной школе вполне конкурентоспособно далеко за ее пределами. С другой стороны, непосредственное общение с лучшими юными математиками СССР позволило мне понять, что их регулярные успехи на международных математических олимпиадах того периода далеко не случайны.

По прошествии лет я бы сказал, что самой сильной стороной советской системы образования была ее нацеленность не на зубрежку, а на творческое освоение учебного курса, если речь шла об обучении точным и естественным наукам. Именно поэтому советские вузы выпускали столько высококвалифицированных специалистов этого профиля, многим из которых, увы, не нашлось применения на просторах родной страны после ее распада.

Что касается высшей школы СССР, то я бы в первую очередь отметил ее демократические начала. Мне довелось учиться в двух «элитных» советских вузах, Новосибирском и Ленинградском университетах, но ничего подобного поступлению «по блату» или благодаря высоким постам своих родителей я там не припомню. В те годы советских абитуриентов и студентов оценивали по их знаниям, а не по «классовому» принципу.

В качестве вузовского преподавателя я обратил внимание и на любознательность своих студентов. Они проявляли заметный интерес к преподаваемым мной экономическим наукам, хотя те по большей части не были профильными для них. Проблем с посещаемостью или дисциплиной студентов у меня не было никогда. Наибольшее удовлетворение я испытывал, преподавая будущим экономистам экономическую историю СССР. Благо, в конце 80-х – начале 90-х гг., когда это происходило, в моем распоряжении был не только скучный советский учебник по данному предмету, но и гораздо более живое учебное пособие известного историка А. Ноува, изданное в Великобритании.

В постсоветский период я преподавательской деятельностью больше не занимался, а потому могу судить о нынешнем состоянии российской системы образования только по внешним признакам – например, устройству школ и вузов, методике преподавания, содержанию учебников по наиболее близким мне дисциплинам (математика, экономика, история, обществоведение и т.д.) и, естественно, по уровню знаний выпускников в соответствующих областях. Все это меня, мягко говоря, не слишком радует.

Согласно официальной точке зрения, которая нашла отражение в русской Википедии, к основным направлениям реформы, проводимой с 90-х гг. в образовательной системе России, принадлежат весьма многообразные преобразования: ориентация на развитие частных образовательных учреждений, участие гражданина в

финансировании собственного образования, отмена государственных гарантий трудоустройства выпускников вузов и техникумов, свертывание профессионально-технических училищ, развитие личности учащихся, переход на многоуровневую систему высшего образования, введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) как формы совмещения выпускных экзаменов в школе и вступительных испытаний в вузы.

Причины этого «реформаторского» зуда вполне понятны: постсоветская Россия стала буржуазным государством, и ее образовательная система была приведена в соответствие с потребностями новоявленного правящего класса. Он, подобно любым нуворишам, отличается и таким качеством, как склонность к рабскому копированию образа жизни сильных мира сего. Отсюда – введение ЕГЭ и разделение высшей школы на «бакалавриат» и «магистратуру», хотя эти элементы западной системы образования отнюдь не продемонстрировали должной эффективности и там. Зато они создали простор для всевозможных демагогических рассуждений о «развития личности учащихся» и т.п., чем российские псевдореформаторы воспользовались особенно охотно.

Глубокий кризис образовательной системы в постсоветской России давно уже перестал быть секретом для людей, так или иначе причастных к этой сфере. Данное обстоятельство нашло проявление, в первую очередь, в падении качества образования в стране и массовом выезде российских студентов на учебу за границу.

«Реформаторы» позаботились, в частности, об увеличении и без того немалых нагрузок в школьном образовании. На старшеклассников, помимо основной учебной деятельности, ложатся теперь также подготовительные курсы и репетиторство. Государство, объективно заинтересованное в сокращении бюджетных расходов на образование, добилось понижения заработной платы и, как следствие, уровня жизни учителей и преподавателей, уменьшения их количества и увеличения средней учебной нагрузки. В вузах сокращаются такие «контактные» формы учебной работы, как лекции и практические занятия, что неизбежно понижает роль личности преподавателя. Педагоги зачастую воспринимаются нынешней молодежью как «лузеры», интеллект и образование которых не заслуживают того, чтобы их уважать или рассматривать как ориентир.

В России, по примеру стран Запада, завершается уничтожение прежней образовательной системы. Образование ориентируется теперь лишь на трансляцию и усвоение знаний, практически исключая прививание навыков самостоятельной интеллектуальной деятельности. Смартфоны и гаджеты формируют «клиповый» характер восприятия информации, когда предмет рассмотрения не изучается, а «проглатывается».

Истоки этой американизации образования в России вскрыл выдающийся российский математик В.И. Арнольд еще в начале нынешнего столетия. Американские лидеры, по его словам, позаботились о том, чтобы народ в США был малообразованным и не интересовался ни наукой, ни культурой. Обратное явление прямо противоречит постулатам вышеупомянутого «общества потребления», его власть имущим необходимы не грамотные культурные граждане, а послушное стадо потребителей.

Живя в Германии с 2007 г., я, естественно, интересовался и нынешним состоянием ее системы образования, занимавшей столетие тому назад самые передовые позиции в Европе и мире. Сегодня от этих достижений практически не осталось и следа. К примеру, германские учебники математики для средней школы, просмотренные мной, не выдерживают сравнения с теми, по которым в свое время учились мы. Германских школьников вполне определенно нацеливают на бездумную зубрежку, что при изучении математики особенно губительно.

Плоды этой деградации системы образования сегодня на виду у всех. Западные и российские средства информации заполнены выступлениями людей, включая высокопоставленных политических деятелей, не способных связно излагать свои мысли, формулировать осмысленные выводы, вести цивилизованные дискуссии. Куда может завести человеческое общество подобная публика, думается, ясно и без дальнейших комментариев.

5. Медицина

К услугам постсоветской системы здравоохранения в России мне, к счастью, прибегать не приходилось. Потому я могу сопоставить только советскую и нынешнюю германскую медицину, уровень которых знаю по собственному опыту.

С советской медициной мне в детстве пришлось иметь дело постоянно, т.к. до 10 лет я почти непрерывно болел воспалениями легких, по большей части двусторонних. Как случайно установил впоследствии я сам, это было вызвано моей сильнейшей врожденной аллергией – на кошачью шерсть, свежее сено и т.п. О такой болезни медики, по-моему, тогда еще не знали – во всяком случае, слова «аллергия» я никогда от них в детстве не слышал. Они лечили мои воспаления пилюлями-антибиотиками и, в случае острой необходимости, уколами (пенициллин, стрептомицин). При этом степень их самоотверженности была выше всяких похвал. Скажем, наша участковая фельдшерица, жившая неподалеку, приходила к нам по вызову моего отца, дабы поставить мне укол, буквально в любое время дня и ночи.

Когда воспаления, наконец, прекратились в связи с исчезновением нашего домашнего кота, мои контакты с медициной стали гораздо реже. До 16 лет я могу припомнить всего пару подобных случаев – в связи с удалением гланд и аденоидов и по поводу пищевого отравления (объелся недосоленных груздей). Тут мне впервые пришлось ознакомиться с условиями содержания больных в советских стационарах. Условия были весьма немудреными, питание не ахти каким, но медики и здесь отличались на редкость внимательным отношением к своим пациентам.

Остальные мои обращения к советским врачам были связаны в основном с неоднократными переломами (предплечье правой руки, поясничный позвонок, лодыжка левой ноги). Мои переломы были далеко не простые, однако, благодаря высокой квалификации сибирских врачей-травматологов тех лет, все они остались без последствий – сегодня я не сразу в состоянии и припомнить, что́ и в каком месте сломал когда-то.

Мои впечатления от современной германской медицины гораздо менее однозначны. Однако начну с позитива. В 2018-19 гг. мне пришлось перенести 4 операции – по 2 в связи с язвой желудка и с катарактой обоих глаз. Квалификация врачей-хирургов Тюбингенской университетской клиники, где они проводились, меня вполне удовлетворила. Впрочем, эти хирурги были, что называется, вооружены до зубов: их современная медицинская аппаратура не шла ни в какое сравнение с довольно жалким оснащением знакомых мне врачей советского периода. Заслуживает признания работа обслуживающего персонала Тюбингенской клиники – почти сплошь выходцев из стран Азии и Африки. Вполне благополучно завершились и две прививки от коронавируса, полученные мной в 2021 г. Во всем остальном медицинское обслуживание в Германии меня не столько радовало, сколько огорчало.

Начну с домашних врачей (Hausarzt, как их принято называть в Германии). С одноименными советскими врачами их деятельность имеет мало общего. В СССР домашние врачи действительно посещали больных и оказывали им необходимую помощь на дому, а в Германии они принимают пациентов в близлежащем медпункте, где обследуют их с помощью медицинской аппаратуры и затем направляют к

соответствующим специалистам. Наши переселенцы говорят по данному поводу, что это не врачи, а диспетчеры. К медикам-специалистам нередко выстраиваются долгие очереди – иногда продолжительностью в несколько месяцев.

Неблагоприятное впечатление произвели на меня и контакты со многими врачами-терапевтами в той же университетской клинике. Душевное отношение к пациентам, типичное для советских врачей, им было совершенно не свойственно. Они обращались со мной весьма бесцеремонно, а то и грубо. При этом их профессиональная квалификация показалась мне, признаться, отнюдь не высокой.

Совершенно вопиющей процедурой в клинике была еженощная смена дежурной медсестры. Представьте себе: новая сестра в разгар ночи врывалась в нашу палату, оглашая ее громким криком и зажигая яркий верхний свет. По-моему, более наглядного примера неуважения к больным и представить себе невозможно.

Другая характерная черта современной германской медицины – огромное количество лекарств, выписываемых пациентам. Здесь имеется масса аптек, где можно приобрести прописанное лекарство сразу же или в кратчайший срок. Знаменитая «Фарма», т.е. фармацевтическая индустрия, функционирует в Германии как хорошо отлаженный конвейер, ворочающий громадными средствами.

Нарисованная мной картина может, вероятно, удивить читателей, знающих о том, что российские толстосумы предпочитают лечиться именно в Германии. Тут нужно иметь в виду, что на Западе (как и в нынешней России) имеются фактически две отделенные друг от друга медицины – для имущих классов и «простолюдинов». Я написал лишь о второй – что́ представляет собой первая, столь популярная среди наиболее зажиточных российских пациентов, мне, признаться, неведомо.

6. Точные и естественные науки

Здесь я попытаюсь проследить некоторые результаты развития математики, физики, астрофизики и астрономии за последние 50 лет. Среди точных и естественных наук эти дисциплины известны мне лучше всего: на математическом факультете Новосибирского университета я в свое время учился, физикой (астрофизикой) и особенно астрономией увлекался со школьной скамьи. Хочу сразу же отметить, что за истекшие полвека все эти науки продвинулись вперед, хотя и в разной степени: сильнее всего – насколько я могу судить, астрономия и астрофизика, а наименее заметно – остальные области физики.

Из достижений математики выделю три проблемы, известные с давних времен, но окончательно решенные лишь в последние десятилетия: Большую теорему Ферма, теорему о четырех красках и гипотезу Пуанкаре. Над первыми двумя из них я усердно размышлял еще в школьные годы, некоторое представление о третьей получил в ту же пору.

Большая (или Великая) теорема Ферма гласит: уравнение $a^n + b^n = c^n$ для любого натурального (целого положительного) числа $n > 2$ не имеет решений в целых ненулевых числах a, b, c. Теорема была сформулирована французским математиком П. Ферма, который в 1637 г. написал на полях одного математического трактата, что «нашел этому поистине чудесное доказательство, но поля книги слишком узки для него». С тех пор над доказательствами данной теоремы работало немало выдающихся математиков, а также множество дилетантов-любителей. Уже к началу XX в. поиски в этом направлении привели к глубоким результатам в теории чисел. Большая теорема Ферма была полностью доказана английским и американским математиком Э.Д. Уайлсом с коллегами в 1994 г. В 1980-х гг. появились новые методы исследования проблемы Ферма, последний важный шаг в решении которой был сделан Уайлсом, опубликовавшим в 1995 г. его 130-страничное доказательство.

Теорема о четырех красках утверждает: всякую географическую карту, расположенную на плоскости или на сфере, можно раскрасить не более чем четырьмя цветами (красками) так, чтобы любые две связные области с общим участком границы имели разный цвет. Точная формулировка теоремы, впервые опубликованная в 1878 г., была доказана американскими математиками столетие спустя, в 1976 г., причем с помощью компьютера.

Формулировка гипотезы Пуанкаре менее доступна для понимания неспециалистов: всякий трехмерный геометрический объект, обладающий некоторыми свойствами трехмерной сферы, обязан быть сферой с точностью до деформации. Гипотеза была сформулирована знаменитым французским математиком А. Пуанкаре в 1904 г. и доказана молодым российским математиком Г. Перельманом в 2002-03 гг. С Перельманом я не встречался, но хорошо помню его будущего научного руководителя по ленинградской аспирантуре, академика А.Д. Александрова, который в нашу бытность студентами Новосибирского университета читал нам замечательные научно-популярные лекции.

Доказательства всех трех этих теорем основаны на новых подходах, которых полвека назад еще не существовало. Наибольшие дебаты в научном мире вызвало использование компьютера для доказательства теоремы о четырех красках. На мой взгляд, в наш компьютерный век такой нетрадиционный характер математического доказательства вполне допустим и, более того, закономерен.

Сегодня, как и 50 лет назад, ведущими математическими центрами в России/СССР являются три университета – Московский, С.-Петербургский (Ленинградский) и Новосибирский. Они по-прежнему выпускают высококвалифицированных математиков различного профиля, однако позиции этих вузов в мировой математической науке заметно пошатнулись: в постсоветский период наблюдался массовый отток их выпускников в страны Запада, особенно в США.

На этот деструктивный процесс наложился глубокий кризис Российской Академии Наук (РАН). Наиболее наглядное его проявление – радикальное ограничение традиционных академических свобод, фактическое подчинение РАН государственным учреждениям (с 2013 г. – созданному для этой цели Федеральному агентству научных организаций, с 2018 г. – Министерству науки и высшего образования России). В результате в одном из основных академических институтов математического профиля, Новосибирском Институте математики им. С.Л. Соболева, в 2021 г. произошел вопиющий случай: министерство отказалось утвердить нового директора, избранного коллективом, и предпочло назначить другого претендента, проигравшего на выборах. Я был издавна осведомлен о деятельности данного института и знал ряд его прежних директоров (академиков С.Л. Соболева, М.М. Лаврентьева, Ю.Л. Ершова, С.С. Гончарова), а потому внимательно следил, насколько мог, за перипетиями этого шумного скандала, который полвека назад невозможно было и представить.

В теоретической физике с 1970-х гг. наблюдается затишье, и ученые заговорили в этой связи о «кризисе физики». Правда, в последние годы здесь вновь отмечено некоторое оживление, связанное в первую очередь с вводом в эксплуатацию Большого адронного коллайдера высоких энергий. Объявлено, например, что с его помощью в 2013 г. обнаружен бозон Хиггса – элементарная частица, существование которой было теоретически предсказано еще в 1964 г.

Полвека назад мое основное внимание в области физики было привлечено к проблеме управляемого термоядерного синтеза. Если тяжелых химических элементов, требуемых для управляемых ядерных реакций, во Вселенной довольно мало, то запасы потенциального термоядерного топлива имеются в изобилии. Поэтому уже с 1950-х гг. в СССР и США разрабатываются проекты термоядерного реактора. Два десятилетия спустя считалось, что эти работы вскоре позволят осуществлять термоядерный синтез в

промышленных масштабах. Однако затем стали возникать все новые проблемы в связи с нестабильным поведением сильно разогретой плазмы, используемой в процессе синтеза. Решить данные проблемы не удается до сих пор – во многом из-за совершенно недостаточного финансирования соответствующих работ.

Напротив, ресурсы, выделенные за последние полвека для исследований в области астрофизики и астрономии, обеспечили их существенный прогресс. За это время резко расширился набор наблюдательных средств – космических телескопов, детекторов рентгеновского, ультрафиолетового, инфракрасного, нейтринного и гамма-излучения, межпланетных зондов и т.п. За счет этого установлена крупномасштабная структура Вселенной, найдены новые типы небесных светил и многочисленные экзопланеты, находящиеся вне Солнечной системы, открыты кольца Юпитера и Урана, а также спутники целого ряда подобных планет, удаленных от Солнца.

Особый интерес у молодежи нашего поколения вызывала проблема внеземного разума. Мы зачитывались книгой известного советского астрофизика И.С. Шкловского «Вселенная, жизнь, разум» (1962 г.) и не сомневались, что внеземная жизнь, включая разумную, будет открыта еще в нашу бытность. Увы, надежных свидетельств существования жизни за пределами Земли астрономия, несмотря на все ее усилия, не обнаружила и по сей день.

7. Историческая наука

О состоянии исторической науки в минувшие 50 лет я осведомлен не понаслышке, т.к. последние десятилетия вплотную занимался исследованиями в этой области. Прежде всего отмечу весьма противоречивый характер развития нашей науки. С одной стороны, существенно расширялась ее источниковая база – за счет открытия многих архивов в постсоветских и некоторых других странах, а также прогресса Интернета. Однако непомерная политизированность исторических исследований, вполне ощутимая и полвека назад, не только не была преодолена с тех пор, но, напротив, усугубилась еще больше, особенно в государствах бывшего СССР и Восточной Европы, а также в западном научном мире.

Мои собственные работы связаны с различными аспектами истории российских немцев. Публикации по этой тематике впервые попали ко мне в руки как раз полвека назад: я обнаружил тогда в новосибирской ГПНТБ, крупнейшей публичной библиотеке в Азиатской части СССР, пару соответствующих справочно-библиографических изданий, принадлежавших известному германскому историку, выходцу из немецкого села под Одессой К. Штумппу.

Находка произвела на меня немалое впечатление, поскольку интерес к нашей истории привили мне еще в детстве мои родители, особенно мать, постоянно вспоминавшая о своей жизни в незабвенном немецком Поволжье. Однако лишь с начала 90-х гг. до меня стала регулярно доходить современная литература о российских немцах, издававшаяся в Германии, а затем и на территории бывшего СССР.

Эти издания содержали много неизвестной мне информации, но вскоре я обратил внимание на отчетливую фрагментарность их содержания. Оно, как правило, касалось только нескольких сюжетов более чем двухвековой истории российских немцев – переселения наших далеких предков в Россию, создания и упразднения немецкой автономии на Волге, репрессивной антинемецкой политики российских и советских властей, особенно в период двух мировых войн. Более систематичному изложению нашей истории явно препятствовало отсутствие соответствующей источниковой базы, формированию которой я в основном и посвятил свои последующие научные усилия.

Эта моя работа, начавшаяся в конце XX в., постепенно охватила самые разные стороны истории российских немцев: возникновение и развитие немецких населенных пунктов в России/СССР, демографическую статистику, законодательные акты, пребывание российских немцев в «трудармии», наше современное национальное движение, диалекты немцев Поволжья. Создание этой базы данных потребовало от меня многолетнего напряженного труда. Почти во всех перечисленных областях удалось найти достаточные источники информации, работа с которыми имела в каждом случае свои особенности.

Так, я обнаружил в московских библиотеках многочисленные издания с перечнями населенных пунктов отдельных советских, а отчасти и досоветских регионов, включая немецкие населенные пункты. Эти справочники издавались по итогам демографических переписей, в первую очередь Всероссийской переписи населения 1897 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. Существенным подспорьем в работе явились для меня и материалы Интернета. В результате удалось выпустить три соответствующих справочных издания: «Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф» (М., 2002), «Немецкие населенные пункты в Российской империи: География и население. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф» (М., 2006), «Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / Сост. В.Ф. Дизендорф» (М., 2006).

База данных по демографической статистике российских немцев составлялась мной на основе опубликованных материалов переписей населения досоветского, советского и постсоветского периодов, а также ревизий (обследований) жителей Российской империи, регулярно проводившихся в XVIII-XIX вв., и некоторых других источников, включая демографический сайт Интернета demoscope.ru. Итоги моих исследований в данной области изложены в ряде работ, опубликованных в печати или выставленных на моей авторской странице на портале «История немцев Поволжья». Наиболее полными среди последних являются: «Историческая демография немецкого населения России и СССР (XVIII в. – начало XXI в.)» и «Демографическая статистика о российских немцах».

Различные государственные акты, касающиеся немецкого населения России/СССР, публиковались во многих изданиях последних десятилетий. Мои усилия в данной области были направлены на восполнение пробелов, существовавших в этой источниковой базе. Результаты представлены главным образом в сборнике документов «Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652-1917 / Сост. В.Ф. Дизендорф» (М., 2006).

С открытием архивов бывших «трудармейских» лагерей возникла возможность сохранения памяти об их безвинных жертвах, а также научного исследования проблематики «рабочих колонн» («трудармии»), существовавших в СССР в 1940-х гг. Мое участие в этой работе было связано в первую очередь с созданием базы данных для книги: «GEDENKBUCH: Книга Памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942-1947 гг.). Сост. Э.А. Гриб. Ред. В.Ф. Дизендорф» (М., 2005). Кроме того, мной написана большая статья «Марксштадтцы в трудармии: Богословлаг, Тагиллаг, Усольлаг, Челябметаллургстрой», выложенная на моей вышеупомянутой авторской странице.

Поиск материалов по истории современного национального движения российских немцев для меня проблемы не составлял, т.к. на протяжении 90-х гг. я являлся одним из лидеров этого движения. В результате удалось издать три книги, дающие об основных событиях нашего движения достаточно полное представление: «Чрезвычайный съезд немцев СССР / Москва, 12-15 марта 1991 года / Документы и материалы. Составитель и редактор В.Ф. Дизендорф» (М., 1997), «В.Ф. Дизендорф. Прощальный взлёт / Судьбы российских немцев и наше национальное движение /

Книга I. От национальной катастрофы – к попытке возрождения» (М., 1997), «Дизендорф В.Ф. Десять лет в „Возрождении“» (М., 2000).

Наиболее трудную задачу представляло для меня создание 3-томного «Немецко-русского словаря немецко-поволжского марксштадтского диалекта», дважды изданного небольшими тиражами в Саратове, а в законченном виде выставленного в 2021 г. на моей авторской странице. Особенность этой работы состояла в том, что прямых источников она не имела: марксштадтский и другие диалекты поволжских немцев были бесписьменными, а людей, говоривших на них в совершенстве, в живых уже практически не осталось. Потому мне пришлось полагаться на собственную память. Марксштадтский диалект – мой родной язык, и в раннем детстве я говорил только на нем, однако вспомнить все его особенности мне было далеко не просто, т.к. с тех пор прошли многие десятки лет.

8. Возвращение на Волгу

Мои родители постоянно вспоминали родное Поволжье, но лишь во 2-й половине 60-х гг. они несколько раз заговорили при мне о наших перспективах вернуться туда. Тому предшествовало немаловажное событие: мы всей семьей прочли большой рукописный отчет о поездках двух делегаций российских немцев в Москву в 1965 г. и их встречах с тогдашним председателем Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояном. Делегаты настойчиво, но безуспешно ставили перед номинальным главой Советского государства проблему восстановления АССР Немцев Поволжья, бесправно уничтоженной в 1941 г.

Через много лет, в 1988 г., в столице побывали еще три делегации российских немцев, что привело в марте 1989 г. к образованию Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение» («Видергебурт»), в которое полгода спустя вступил и я.

В начале 70-х гг. мне было очень трудно представить, что делегации 1965 года будут иметь продолжение и, более того, через полтора десятилетия власти СССР официально провозгласят «перестройку» и «демократизацию», благодаря чему возникнет массовое национальное движение российских немцев, первое за всю нашу многовековую историю.

С другой стороны, ровно полвека назад, 3.11.1972 г., был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятия ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», узаконивший, в частности, право на возвращение российских немцев в места их довоенного проживания, в т.ч. в Поволжье. Как способствовал данный указ этому важнейшему процессу? Судя по советской демографической статистике, – никак.

Согласно данным Всесоюзных переписей населения 1959-89 гг., совокупный прирост немецких жителей в Саратовской и Волгоградской обл., на территории которых в свое время размещалась АССР НП, составлял: 1959-70 гг. – 14106 чел., 1970-79 гг. – 12855, 1979-89 гг. – 7263. Как видим, после Указа 1972 года приток немцев на Волгу не усилился, а, напротив, ослаб. Тогдашнее возвращение немцев в Поволжье определялось не пустопорожними указами и прочими никчемными бумажками, а объективными факторами, не в последнюю очередь – возрастным составом немецкого населения, проживавшего до 1941 г. в АССР НП. Если в 60-х гг. средний возраст этих людей еще допускал их самостоятельное массовое возвращение на свою поволжскую родину, то в 80-х гг. – уже явно нет.

Это подтвердилось и на примере наших родственников. Как раз в 1972 г. мой отец побывал на Волге, в своем родном Марксштадте/Марксе, единственный раз после 1941 г. Однако ему было уже 68 лет, и после этой поездки он окончательно смирился с тем, что возврата к прошлому для него больше нет. Напротив, его племянник, к

которому отец заезжал в Марксе, сумел, вопреки всем запретам, вернуться в родной город еще в середине 60-х гг., воспользовавшись подходящей профессией (строитель), подходящим возрастом (около 50 лет), а также наличием русской жены.

Проблематика возврата немцев на Волгу сыграла существенную роль в глубоком идейном размежевании среди лидеров нашего Общества «Возрождение». Подавляющее большинство его активистов, включая и меня, с самого начала считало, что возвращение в родные поволжские края требует первоочередного принятия государственных актов о восстановлении АССР НП. Естественно, мы предполагали, что основную массу возвращенцев составят не довоенные жители АССР НП, а их дети и внуки, готовые поселиться в немецкой автономии в случае ее восстановления. Между тем горстка наших оппонентов совершенно голословно заявляла, что восстановлению Республики на Волге должно, дескать, предшествовать организованное массовое переселение немцев в Поволжье.

К сожалению, подтвердить или опровергнуть эти утверждения на практике нам не представилось возможности, поскольку советские и российские власти так и не приняли решений о восстановлении нашей Республики на Волге, хотя в пользу подобных действий свидетельствовал целый ряд законодательных и нормативных актов конца 80-х – начала 90-х гг., прежде всего – Закон РСФСР от 26.04.1991 г. «О реабилитации репрессированных народов».

Увы, решение таких масштабных национально-территориальных проблем в любом случае определяется высшими органами власти, а не общественно-политическими движениями, сколь бы массовыми и влиятельными ни являлись последние.

9. Религия

Полвека назад я относился к религии весьма индифферентно, хотя вырос в глубоко верующей семье. Меня с раннего детства приучили молиться до и после еды и в других подобающих случаях. По вечерам мы всей семьей выслушивали молитву на данный день, которую читала по старинному немецкому молитвеннику моя мать. В рождественские и пасхальные дни у нас было принято петь после этого соответствующие религиозные хоралы. Многие немецкие рождественские песни я запомнил на всю жизнь. Отмечу также, что Рождество и Пасха отмечались у нас дома очень торжественно. Старшие члены нашей семьи ставили в Сочельник (24 декабря) нарядную рождественскую елку, а перед Пасхой искусно раскрашивали пасхальные яйца. Всех этих традиций мы придерживались и после того, как я подрос и охладел к религии.

Годам к десяти моя религиозность пошла на спад – я увлекся астрономией и космическими исследованиями, попутно теряя доверие к библейским сказаниям. Не могу сказать, что я стал в результате убежденным атеистом. Полное отрицание всего сверхъестественного, безапелляционные постулаты о самодостаточности естественного мира (природы) всегда казались мне бездоказательными и плоскими. Однако глубоким размышлениям по данному поводу я, как правило, не предавался. К этому меня не склонял ни круг моих тогдашних интересов, ни, тем более, донельзя примитивный курс «научного атеизма», преподаваемый во всех советских вузах.

Тем не менее, лет в 20 я осознал, что мое отношение к религии больше всего соответствует такому религиозно-философскому течению, как деизм. Деисты признают существование Бога и сотворение им нашего мира, но отрицают многие сверхъестественные и мистические явления. Большинство деистов, как и я, полагали, что Бог после сотворения мира избегал вмешиваться в его дальнейшее бытие. К деизму в той или иной мере склонялись многие известные ученые естественнонаучного

профиля, начиная с И. Ньютона. На меня в юности большое впечаление произвели слова А. Эйнштейна, который говорил, что верит в Бога, сотворившего наш мир, но не в Бога, бдительно надзирающего за всеми поступками каждого отдельного человека. За прошедшие с тех пор полвека мое отношение к религии обрело более четкие очертания, однако по большому счету оно не изменилось.

Возобновлению во мне интереса к религии в 90-х гг. способствовало мое активное участие в деятельности вышеупомянутого Общества российских немцев «Видергебурт», одной из задач которого было возрождение нашей национальной религиозной жизни. В тот период во многих местах массового проживания российских немцев вновь возникли их традиционные религиозные общины, и общество «Видергебурт» приняло посильное участие в этом важном процессе. Так, наше городское общество в Кемерово организовывало празднования Рождества и Пасхи, создало немецкий фольклорный ансамбль, к репертуару которого принадлежали и наиболее известные рождественские песни. С 1995 г. мне несколько раз довелось побывать в нашей бывшей марксштадтской евангелическо-лютеранской церкви, где через 65 лет возобновились регулярные богослужения.

К данному периоду я уже долгое время интересовался развитием различных областей науки. Эти мои занятия постепенно привели меня к убеждению о том, что многие так называемые научные истины не только не являются неопровержимыми, как полагалось считать, но и едва ли могут быть строго доказаны. Свидетельства тому можно найти и в математике (пример – знаменитая теорема Гёделя о неполноте), и в космологии (теория происхождения Вселенной), и в биологии (концепции происхождения жизни, в т.ч. разумной), и в истории Древнего мира. Иными словами, я стал склоняться к идеям философского скептицизма.

Отсюда уже недалеко до вывода о том, что в мире имеется как область, поддающаяся научному исследованию, так и сфера непознаваемого или сверхъестественного. Последняя и ассоциируется у меня с Богом. Если считать познаваемые и непознаваемые области Вселенной достаточно четко отделенными друг от друга, то становится очевидно, что в нашем мире есть место как для науки, так и для религии.

10. Политические взгляды

Мне уже доводилось писать о том, что я выучился читать по-русски еще в дошкольном возрасте и, за неимением у нас дома более подходящего чтива, обратился для начала к главной партийной газете «Правда», которую выписывал на работе мой отец. Таким образом, я стал приобщаться к текущей политике, точнее говоря – к советской политической пропаганде, чрезвычайно рано.

Однако по-настоящему нам со сверстниками начали втемяшивать в головы политические материи, когда нам было по 10 лет, по случаю принятия в 1961 г. новой Программы КПСС, предусматривавшей – ни много ни мало – построение «материально-технической базы коммунизма» уже к 1980 г.

Материалами по поводу этого суперамбициозного партийного документа была переполнена тогда вся советская печать, не исключая даже «Пионерской правды», предназначенной для нас, младших школьников. Помнится, эти ура-коммунистические опусы нам без конца зачитывали в школе на «классных часах», нас даже заставляли писать нечто вроде сочинений на подобные темы.

Советская пропаганда, никогда не отличавшаяся чувством меры, в очередной раз пустилась во все тяжкие, ничуть не заботясь о том, что результат тем самым достигался прямо противоположный задуманному.

Даже мы, школяры, вскоре заподозрили, что с этим нашумевшим партийным документом что-то не так. Особое наше внимание привлек его донельзя зажигательный лозунг – «каждому по потребностям». Комментарии авторов по данному поводу – мол, в коммунистическом обществе «все источники общественного богатства польются полным потоком» за счет «расширения общественных фондов потребления» и т.п. – были для нас маловразумительны. Нам хотелось знать конкретику: неужели при коммунизме каждый человек, придя в магазин и ничего не заплатив, сможет взять там столько приглянувшихся ему товаров, сколько душа пожелает?

Мы, выросшие в условиях всеобъемлющего товарного дефицита, были совершенно не в состоянии представить, что это может оказаться правдой. А «маленькая ложь рождает большое недоверие», как выразился впоследствии в известном телесериале бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, то бишь актер Олег Табаков.

С середины 60-х гг. наша политическая обработка в школе развернулась с новой силой: в старших классах мы стали изучать историю СССР и обществоведение, которые именно для этих целей и предназначались. Доверия к советской пропаганде у нас к этому времени не прибавилось, но теперь те наши сверстники, которые больше других интересовались политикой, имели в своем распоряжении не только школьные учебники и обычные газеты.

Скажем, мне самому отец стал выписывать по моей просьбе популярный в ту пору еженедельник «За рубежом», где публиковалась внешнеполитическая информация, отсутствовавшая в остальных советских газетах: аналитические обзоры «культурной революции» в Китае, войны США во Вьетнаме и т.д. А с 1967 г. я не раз перечитал только что вышедшую в русском переводе книгу «Самонадеянность силы» У. Фулбрайта, одного из самых авторитетных американских сенаторов того периода, известного критика внешней политики США.

В университете мне, как и всем советским студентам тех лет, пришлось осваивать историю КПСС и научный коммунизм, которые и вовсе не вызывали доверия у подавляющего большинства моих сверстников. Со 2-й половины 70-х гг. наши острословы стали называть эти дисциплины «В гостях у сказки» – по примеру одноименной телепередачи для детей, появившейся в то время на советском телевидении.

В результате мои политические взгляды полувековой давности трудно было назвать вполне определенными или достаточно обоснованными. Советской пропаганде я больше не доверял ни на грош, но о коммунистической идеологии, на которую она ссылалась, этого утверждать не приходилось, т.к. последняя была мне известна главным образом по казенным словесным штампам, а не по первоисточникам. Основательное штудирование трудов «классиков марксизма-ленинизма» на экономическом факультете Ленинградского университета, куда я поступил в 1971 г., у меня еще было впереди.

Полвека спустя я усвоил, насколько смог, не только коммунистическую идеологию, но и ее альтернативы – идеи консерватизма, либерализма, национализма, социал-демократии и т.п. Поэтому мне теперь хорошо известно, как сложно обрести под ногами твердую общественно-политическую почву в наше зыбкое переломное время.

Коренная проблема состоит здесь, мне кажется, в том, что на сегодня основательно устарели все традиционные политические идеологии, и человечеству еще только предстоит уяснить, по каким законам развивается и будет развиваться в обозримом будущем наш нынешний мир.

11. Потому что оно Маркса

Как бы ни относились к Карлу Марксу и марксизму советские граждане нашего поколения, им наверняка приходилось слышать или читать, по меньшей мере, одно высказывание на сей счет – знаменитые слова В.И. Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Наиболее ревностные поклонники поэта В. Маяковского, возможно, припомнят и стихотворный эквивалент этих строк: «Маркс раскрыл истории законы, пролетариат поставил у руля».

В годы «перестройки» зубоскалы из «Литературной газеты» решили позабавить своих читателей конкурсом на лучшее знание марксизма, где предлагалось, в частности, дополнить фразу «Учение Маркса всесильно, потому что оно...» одним из трех слов: а) верно, б) скверно, в) Маркса. Этот незатейливый перестроечный юмор сохранился у меня в памяти, видимо, из-за того, что три предложенных «Литературкой» варианта вполне стоили друг друга по степени своей пародийности, хотя один из них принадлежал самому Ленину, а два других – бог весть кому.

Статья Ленина «Три источника и три составные части марксизма», в которой содержалась его приведенная характеристика марксова учения, была опубликована в большевистском журнале «Просвещение» в 1913 г., к 30-летию смерти К. Маркса. Текст представляет собой попытку коротко подытожить значимость идей Маркса в трех основных сферах его теоретической деятельности – философии, политической экономии и учении о классовой борьбе. В данной связи марксизм характеризуется Лениным как «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке» в области общественной теории, откуда, видимо, и должна была вытекать весьма несуразная ленинская фраза о «всесилии» учения Маркса.

Полвека назад, поступив на экономический факультет ЛГУ, я, естественно, углубился в первую очередь в «Капитал» К. Маркса. Помнится, в 1973 г. мы с однокашниками даже писали курсовые работы по «Капиталу». Я избрал своей темой проблему, интересовавшую меня в то время в этом произведении больше всего, – «Воспроизводство общественного капитала». Работа далась мне нелегко – соответствующая тематика освещалась в основном во 2-м томе «Капитала», который остался после автора только в виде черновой рукописи, подготовленной затем к печати Ф. Энгельсом. Однако я работал с увлечением и, на мой взгляд, вполне разобрался в этом непростом разделе марксовой теории.

Философские аспекты марксизма увлекали меня в гораздо меньшей мере. Изучая их в университетских курсах диалектического и исторического материализма, я основывался главным образом на работах Ф. Энгельса «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг». Последняя показалась мне весьма любопытной, первая – тоже небезынтересной. Не столь сильно меня впечатлила другая работа Энгельса – «Развитие социализма от утопии к науке», которую нам пришлось штудировать в курсе «научного коммунизма».

Окончив ЛГУ, я начал работать над кандидатской диссертацией по экономической истории ФРГ и по этому случаю обратился, в частности, к различным работам Маркса и Энгельса. Их многотомные сочинения пылились в ту пору на полках всех советских библиотек, практически не привлекая внимания читателей. А жаль – оттуда можно было почерпнуть немало интересного и поучительного.

Так, однажды я наткнулся на статью Ф. Энгельса «Афганистан». Не обратить на нее пристального внимания я не мог: совсем недавно, весной 1978 г., в этой стране произошла так называемая Апрельская революция. Ее организовали явные политические экстремисты и авантюристы, объявившие о своем намерении строить социализм в глубоко феодальном афганском обществе. Больше всего меня тогда тревожило то, что советская печать писала об этих сумасбродных планах вполне

благосклонно, как бы удобряя почву для будущего ввода советских войск в Афганистан.

Между тем, Энгельс убедительно показал в своей статье на примере одного из нашествий Англии на Афганистан, что покорить эту экзотичную страну чрезвычайно трудно – будто предупреждая против подобного намерения брежневское руководство. Увы, как говорится, не в коня корм! Тогдашние советские вожди, неустанно клявшиеся в верности «всепобеждающим идеям марксизма-ленинизма», по большей части имели об этих идеях самое смутное представление. Про Брежнева, скажем, говорили, что он решительно возразил против цитирования основоположника марксизма в одном из своих докладов: «Уберите, все равно никто не поверит, что Лёня Брежнев читал Маркса».

Другой пример – серия работ К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» с резкой критикой деятельности вожака «Альянса» М. Бакунина и его последователей в различных странах. В частности, в разделе VIII «Альянс в России» авторы разоблачили организацию российским бакунистом С. Нечаевым убийства студента И. Иванова в Москве в 1869 г.

Это нашумевшее преступление послужило два года спустя основой для знаменитого романа Ф. Достоевского «Бесы». С 1935 г. данный роман был фактически запрещен в СССР как «клеветнический» по отношению к революционному движению, тогда как распространению произведения основоположников марксизма, практически аналогичного по содержанию, никто воспрепятствовать не посмел. По всей видимости, «потому что оно Маркса»…

12. Марксизм как наука и утопия

Проблема соотношения научности и утопизма в марксистской теории впервые обратила на себя внимание моих сверстников еще в школьные годы, однако в сугубо анекдотичном ключе: «Кто придумал социализм, политики или ученые? – Ученые бы сначала попробовали на собаках».

Позднее, штудируя в университете «Капитал» К. Маркса, я воочию убедился, что наука в этом фундаментальном труде явно превалировала над утопией. В отношении марксистской философии у меня такой уверенности не возникло – ведь сам Маркс, отметив, что теоретической основой данного раздела марксизма послужила гегелевская диалектика, высказался по этому поводу полуанекдотично: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги...»

С «научным коммунизмом» дело обстояло проще всего. Выпускной экзамен по этой одиозной дисциплине оказался для моих одногруппников по ЛГУ самым успешным за время нашей учебы в университете. Причина вполне прозаична: нас выручили наши языки, в изрядной степени отточившиеся в процессе обучения. Для аналогичного результата на экзаменах по политэкономии или философии этого качества было далеко не достаточно. Примечательно также, что научный коммунизм был введен в советских вузах в 1963 г. именно в качестве идеологического орудия – в частности, для противодействия маоизму, борьба с которым советской идеологии в этот период резко обострилась.

Что же можно сказать в пользу научного характера этой дисциплины? В русской Википедии говорится, например, по данному поводу, что научный коммунизм дает «наиболее прямое, непосредственное, социально-политическое обоснование исторической миссии рабочего класса, условий и путей ее осуществления».

Ф. Энгельс писал на сей счет в вышеупомянутой работе «Развитие социализма от утопии к науке», что пролетариат, совершив революцию, обращает тем самым

средства производства в собственность всего общества, в результате чего появляется возможность общественного производства по заранее обдуманному плану. На этой социальной основе, по словам Энгельса, становится анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов, отмирает политический авторитет государства, а люди становятся господами самих себя, т.е. свободными.

Все это звучало для нас полвека назад, мягко говоря, не вполне убедительно. Со времени написания работы Ф. Энгельса к тому моменту прошло уже около 90 лет, а после Октябрьской революции, в ходе которой российский пролетариат, как считалось, захватил власть, – свыше полувека, однако никаких признаков превращения средств производства в собственность всего общества и, тем более, исчезновения общественных классов и отмирания «политического авторитета» государства мы в нашей стране по-прежнему не замечали. Научный характер «научного» коммунизма оказывался тем самым под большим вопросом.

За истекшие с тех пор полвека мои сомнения по поводу марксистского научного коммунизма (или социализма) только крепчали. Сегодня я, например, считаю несостоятельным само понятие «пролетарской революции». Но об этом речь пойдет ниже.

13. Пролетарская революция

Важнейший коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был известен всем советским гражданам нашего поколения. Тогдашняя газета «Известия» даже выходила с «шапкой», воспроизводившей эту заключительную фразу «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса 15 раз, на официальных языках всех союзных республик СССР. При этом над тем, кто такие пролетарии и для чего им, собственно, надлежало повсеместно соединиться, мы, как правило, не очень-то задумывались.

Другое дело – предшествующие слова «Манифеста»: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». Тут не задуматься было трудно, и именно поэтому советская пропаганда предпочитала не заострять нашего внимания на данной фразе.

В самом деле, если «пролетарии» должны были «приобрести весь мир» еще в 1848 г., когда был написан «Манифест», то почему же это историческое событие, давным-давно предсказанное Марксом и Энгельсом, не произошло даже 120 лет спустя? Да и утверждение о том, что «пролетариям нечего терять кроме своих цепей», звучало в наше время применительно к трудящимся многих стран, особенно западных, все менее убедительно. К примеру, я в своей дипломной работе в ЛГУ (1977 г.), проанализировав экономическую статистику ФРГ с 1950 г., наглядно показал, что за эти четверть века реальные доходы лиц наемного труда в Западной Германии заметно возросли.

Однако наибольшие сомнения вызывал у нас, молодых, сам термин «коммунистическая революция». Объявлять коммунистической «Великую Октябрьскую социалистическую революцию», о которой я выскажусь ниже, в наше время было не принято. Тогдашняя советская пропаганда обычно называла ее вместо этого «пролетарской», но и такая терминология не казалась нам убедительной – мы ведь уже знали, что российский пролетариат, не считая разве что Петрограда и немногих других промышленных центров страны, был далеко не главной движущей силой Октябрьской революции.

На том, что в истории человечества существовали такие явления, как рабовладельческие или феодальные революции, марксистская теория не настаивала.

Когда шла речь о политических революциях, марксисты, как правило, имели в виду буржуазные или пролетарские (социалистические, коммунистические) революции.

С первыми все было достаточно ясно. Термин «буржуазная революция» получил распространение только в марксизме, но сами соответствующие явления (Нидерландская революция XVI века, Английская революция XVII века, Великая французская революция XVIII века и т.д.) были в исторической науке хорошо известны и достаточно исследованы.

Движущими силами буржуазных революций могли быть весьма широкие слои населения деревни и города, однако ведущую роль при этом обычно играла буржуазия, заинтересованная в решении аграрного вопроса, установлении конституционной монархии или буржуазной республики, демократизации общественного строя. С другой стороны, буржуазия чаще всего обладала достаточными возможностями, чтобы стать гегемоном таких революций.

Совсем иное дело – пролетариат (рабочий класс), который, как правило, не имел ни необходимых материальных ресурсов, ни должной поддержки в обществе, чтобы быть в состоянии возглавить кардинальную политическую революцию. Да и заинтересованность пролетариата в ней весьма сомнительна. В.И. Ленин отметил еще в работе «Что делать?» (1902 г.), что исключительно собственными силами рабочий класс может выработать лишь тред-юнионистское сознание (убеждение в необходимости объединяться в профессиональные союзы, вести экономическую борьбу с хозяевами, добиваться от властей издания тех или иных рабочих законов), тогда как социалистические учения обязаны своим возникновением исключительно революционной интеллигенции.

Что же представляли собой так называемые социалистические революции? Не считая первой из них, Октябрьской революции, о которой речь впереди, они преследовали типичные буржуазно-демократические цели – проведение радикальных аграрных реформ и ликвидацию национального гнета (Китай, Вьетнам, Куба), либо просто являлись продуктом советской политической индоктринации (европейские страны «народной демократии»). Таким образом, остается только констатировать, что прогноз относительно грядущей «коммунистической революции», выдвинутый в «Манифесте» К. Марксом и Ф. Энгельсом, не выдержал проверки временем.

14. Октябрьский переворот

В советский период Октябрьский переворот (согласно тогдашней официальной терминологии – «Великая Октябрьская социалистическая революция») ежегодно отмечался в СССР как важнейший государственный праздник. Мне особенно запомнились первая и последняя на моей памяти годовщины такого рода.

В 1957 г. я слушал радиотрансляцию о праздновании 40-летия Октября на Красной площади. Мое особое внимание привлекли слова диктора о том, что многие участники праздничной демонстрации вышли на нее с макетами первого в мире искусственного спутника Земли – он был запущен в СССР месяц с небольшим тому назад.

Последняя советская годовщина Октября, 7 ноября 1991 г., оставила у меня совсем другие воспоминания. Мы с товарищами по руководству Всесоюзным обществом советских немцев «Возрождение» поехали в тот день на Лубянскую площадь в Москве, к знаменитому «Соловецкому камню», у которого прошел митинг памяти жертв советских политических репрессий. После митинга мы, помнится, отправились с его участниками к бывшему бассейну «Москва». Бассейн в это время уже не функционировал, и возле него начиналась подготовка к воссозданию на данном месте Храма Христа Спасителя, разрушенного в 1931 г.

Помню также фотографию трибуны Мавзолея в день 35-летия Октября, 7 ноября 1952 г. Мне было тогда всего полтора года, но старая подшивка «Правды» бесстрастно зафиксировала, что в тот день на праздничной трибуне присутствовали одновременно Сталин, Хрущёв и Брежнев. Насколько мне известно, это была единственная фотография трех советских вождей, запечатлевшая их всех вместе.

В первое десятилетие после Октябрьской революции она нередко именовалась самими большевистскими лидерами «Октябрьским переворотом». Этот термин не нес в их устах никакого негативного смысла и лишь отражал тот общеизвестный факт, что в октябре 1917 г. партия большевиков захватила власть в Петрограде вооруженным путем. Однако впоследствии слово «переворот» стало ассоциироваться с заговором и захватом власти узкой группой лиц (по аналогии с дворцовыми переворотами), а потому перестало использоваться советской пропагандой.

Что касается содержательной стороны Октябрьского переворота, то она отложилась в сознании моих сверстников в первую очередь как «штурм Зимнего». Многие из нас видели фильм С. Эйзенштейна «Октябрь», где соответствующие батальные сцены были продемонстрированы во всей своей красе.

Правда, серьезные сомнения в их достоверности возникли у моих школьных товарищей уже в 10-м классе, на нашем праздничном вечере по случаю 50-летия Октября. Там выступил дед моего школьного друга, непосредственный участник «штурма Зимнего». Из его слов однозначно вытекало, что это событие было на деле далеко не столь драматичным и картинным, как в эйзенштейновском фильме.

В СССР Октябрьскую революцию официально называли социалистической, хотя в 1917 г. сами большевики считали ее лишь завершающим этапом буржуазной революции. В.И. Ленин говорил позднее о двух последовательных этапах этой революции – буржуазном (буржуазно-демократическом) и социалистическом: сначала – вместе со всем крестьянством против монархии, помещиков, контрреволюции, в дальнейшем – с беднейшим крестьянством, полупролетариатом, со всеми эксплуатируемыми слоями против капитализма.

Как видим, эта позиция весьма далека от «одномерной» концепции «коммунистической революции», выдвинутой в «Манифесте Коммунистической партии» К. Марксом и Ф. Энгельсом, и не позволяет однозначно считать Октябрьскую революцию социалистической.

В советский период мы со сверстниками, как правило, не пытались характеризовать Октябрьский переворот путем расстановки вокруг него плюсов и минусов. Я, например, и тогда считал, что столь масштабные и неоднозначные исторические события плохо поддаются таким банальным оценкам, как «эпохальное», «прогрессивное», «реакционное», «катастрофическое» и т.п.

С тех пор моя позиция на сей счет изменилась мало, хотя за постсоветские времена наши познания об Октябрьском перевороте, его ближайших и отдаленных последствиях стали неизмеримо шире. Могу отметить в этой связи лишь одно: во мне еще больше укрепилось убеждение, что Октябрьский переворот, как к нему ни относись, был вполне закономерным историческим событием, а не результатом произвола и насилия со стороны горстки большевистских заговорщиков.

15. Первая мировая война

Советская пропаганда чаще всего называла Первую мировую войну «империалистической». В детстве, не искушенный в политической терминологии и слабо владевший русским языком, я искренне полагал, что имеется в виду война, на которой сражались друг с другом империалисты. Это вызывало у меня недоумение – я ведь лично знал двух ветеранов той давней войны, которые уж точно не были

империалистами: своего дядю по отцу Александра Дизендорфа и младшего брата моего деда по матери Фридриха Глейма. Увы, они оба практически ничего не рассказывали при мне о том, какой была та далекая война.

Пришлось обратиться к доступной литературе. Первым делом мне попала в руки знаменитая книга Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Я хохотал над ней до слез, но познаний о характере 1-й мировой войны она добавила мне немного.

Чуть позже мне довелось просмотреть два фильма, так или иначе касавшихся той войны: югославский, посвященный юности Гаврилы Принципа, будущего убийцы австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда (эта злодейская акция и послужила «спусковым крючком» к развязыванию 1-й мировой), и австрийский «Офицеры его величества» (у нас он, кажется, шел под «немонархическим» названием «Офицеры одного полка»), экранизацию известного романа Й. Рота «Марш Радецкого». Фильмы произвели на меня впечатление: первый – тем, что террорист Принцип неожиданно предстал в югославской интерпретации национальным героем, второй – своими художественными достоинствами. Однако информации о 1-й мировой войне мне и из них почти не удалось почерпнуть.

Серьезное исследование о 1-й мировой войне я впервые прочел ровно 50 лет назад. Это была книга «Августовские пушки» американского историка Б. Такман, вышедшая в русском переводе в 1972 г. Там подробно описаны события первых месяцев войны, но больше всего меня впечатлила в книге, я бы сказал, историософия автора.

Для советской идеологии была типична жесткая схематичность в изложении истории различных войн. Считалось, что все стороны, вступая в войну, ставили перед собой заранее намеченные цели и далее настойчиво стремились достичь их с тем или иным успехом. В книге Б. Такман представлена существенно иная историческая концепция: основные воюющие страны вступили в 1-ю мировую войну, не определившись до конца со своими целями и задачами, а потому действовали не вполне продуманно и зачастую просто импровизировали. В итоге война складывалась достаточно сумбурно, в зависимости от многих случайных факторов, не поддающихся точной предварительной оценке.

Полвека назад 1-я мировая война интересовала меня в первую очередь как фактор, вызвавший Февральскую, а затем Октябрьскую революцию 1917 года. Я уже тогда считал эту злосчастную войну важнейшей предпосылкой последующих революционных катаклизмов России. В этом отношении советская идеология также придерживалась жесткой, если не фаталистической позиции, подчеркивая глубинный характер причин, обусловивших революционную ситуацию 1917 года, фактически – неизбежность Февральской и Октябрьской революции.

Люди нашего поколения, придавая гораздо большее значение субъективным факторам, часто воспроизводили в этой связи известный политический анекдот 60-х годов: «Чего не успел сделать Хрущёв? – Присвоить посмертно звание Героя Советского Союза Николаю II за создание революционной ситуации в России».

За истекшие с тех пор полвека моя убежденность в изначально губительном характере 1-й мировой войны для России только укрепилась. Немаловажную роль сыграло при этом мое ознакомление со знаменитой запиской видного российского государственного деятеля П.Н. Дурново, направленной Николаю II в феврале 1914 г., где автор с поразительной точностью охарактеризовал последствия будущей войны уже за полгода до ее начала.

Так, он совершенно правильно предсказал, что главная тяжесть войны с Германией и ее союзниками выпадет на долю России, между тем как последняя несомненно не была готова к этой упорной борьбе. При этом автор справедливо отметил фактическую бессмысленность такой войны, поскольку жизненные интересы

России и Германии напрямую не сталкивались нигде, в т.ч. и в области экономики. В случае неудачи войны с Германией, предупредил Дурново, социальная революция в России, в самых крайних ее проявлениях, неизбежна.

К сожалению, Николай II, не обладая и малой толикой аналитических дарований автора записки, не счел нужным сделать должных выводов из этого глубокого, по сути дела судьбоносного документа.

16. Советские вожди

Из числа советских вождей наибольший интерес у меня полвека назад вызывали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущёв и Л.И. Брежнев. К ним можно добавить и Л.Д. Троцкого – я знал о нем тогда очень мало, но его видная роль в Октябрьской революции и Гражданской войне была мне, конечно, известна. Тогдашний глава КГБ Ю.В. Андропов к этому ряду не принадлежал: он не ассоциировался в моем сознании с высшим советским руководством – ни в тот период, ни на обозримое будущее.

Кстати, при Андропове у нас приобрел популярность политический анекдот, перечислявший имена и воображаемые эпитеты советских правителей, начиная с Ленина: Владимир Мудрый, Иосиф Грозный, Никита Чудотворец, Леонид Баснописец, Юрий Долгорукий.

Ленин. Советская пропаганда основательно подготовилась к коммунистическому воспитанию моих сверстников: во времена нашего раннего детства в СССР появилась самая известная песня о В.И. Ленине: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...»

В те же годы я получил в своей семье сугубо религиозное воспитание, навеявшее мне вполне естественную ассоциацию: Ленин – это высшее коммунистическое божество. Кто же, в самом деле, кроме Господа Бога, мог быть бессмертным, да еще и вездесущим? Полную аналогию нарушало только то обстоятельство, что Ленин, в отличие от любого другого божества, покоился в Мавзолее.

В официальной пропаганде Ленина чаще всего называли вождем: «вождь мирового пролетариата», «вождь трудящихся всех стран», «вождь революции» и т.п. Эти титулы были для советских детей моего поколения маловразумительны. Многие из нас любили книжки про индейцев, где описывались совсем другие вожди – племенные. Мы знали, в частности, что их власть передавалась по наследству – качество, явно отсутствовавшее у Ленина в роли вождя.

Став подростками, мы влились в «ленинский» (ранее – «ленинско-сталинский») Комсомол. Однако нашему духовному сближению с личностью Ленина это никак не способствовало, он по-прежнему оставался для нас малознакомой и не слишком интересной политической фигурой.

У меня самого определенный перелом в этом отношении наметился только на вузовской скамье, когда я волей-неволей стал штудировать ленинские работы. В большинстве своем они были написаны ясно, логично и, насколько я мог судить, достаточно достоверно отражали события, так или иначе связанные с многообразной политической деятельностью Ленина. Особый интерес у меня как экономиста вызвал фундаментальный ленинский труд «Развитие капитализма в России». Вскоре я оценил и его популярный очерк «Империализм, как высшая стадия капитализма».

За минувшие с тех пор полвека восприятие фигуры Ленина в российском обществе менялось неоднократно. До середины 80-х гг. образ Ленина преподносился нам по давно утвердившимся советским канонам. Во времена «перестройки» воцарилось негативное, если не пренебрежительное отношение к его личности, которое сменилось затем откровенным ерничеством (сопоставление Ленина с Микки Маусом и

даже с грибом). Однако с годами выяснилось, что постсоветское буржуазное государство во многих отношениях отличается от советского социалистического, основы которого заложил Ленин, вовсе не в лучшую сторону. В результате возродился интерес к его личности, убедительным подтверждением чего явился выход в 2017 г. большой книги Льва Данилкина «Ленин. Пантократор солнечных пылинок».

Книга получила признание в самых разных общественных и литературных кругах, хотя автор написал о Ленине с несомненной симпатией. Правда, стремление Л. Данилкина отобразить своего героя «в первую очередь как человека» трудно назвать оправданным. Историческая значимость фигуры Ленина определяется тем, что он был революционером и политиком до мозга костей, а отнюдь не его личностными качествами, в целом достаточно симпатичными, или бытовыми привычками (пристрастия к езде на велосипеде, к прогулкам по горам, к охоте и т.п.). Тем не менее, книга Данилкина представляется мне явным симптомом обретения тем разделом современной российской историографии, который отражает советский период нашей истории, более взвешенного характера.

Троцкий. Людям нашего поколения нелегко представить, что к числу советских вождей когда-то принадлежал и Л.Д. Троцкий. Между тем, в первые послереволюционные годы его почти официально величали «вождем Красной Армии», а иногда, наряду с Лениным, и «вождем революции». Песни о Троцком мне неизвестны, но в советской поэзии без его имени не обошлось: «По приказу товарища Троцкого!» – воскликнул В. Маяковский в своей известной поэме «Владимир Ильич Ленин». В наши советские годы эта поэма, естественно, публиковалась уже без «крамольного» упоминания о Троцком.

Мы в свои школьные и студенческие времена знали о Троцком практически только то, что он всегда был «Иудушкой». Ни его работ, ни даже портретов нам лицезреть не доводилось. Я впервые увидел фотографии Троцкого только в 1-й половине 80-х гг. – в югославских книгах, запертых в то время в спецхранах московских библиотек, а в советской печати – в «Московских новостях» в 1987 г., в дни 70-летия Октября. Первое упоминание о Троцком с официальной трибуны донеслось до меня в конце 60-х, на лекции по истории КПСС в Новосибирском университете. Помнится, наш лектор ляпнул тогда, что Троцкого убил его помощник, не поделивший с ним любовницу, – то ли сам этот «историк» толком не знал, как там было дело, то ли просто промывал наши незрелые мозги.

За последние полвека многие советские и постсоветские читатели, включая меня, смогли ознакомиться с жизнью и деятельностью Троцкого по его собственным сочинениям. В результате мои представления о нем сильно изменились, причем сегодня они существенно отличаются от взглядов большинства авторов публикаций о Троцком – как его сторонников, так и противников. Троцкий, как мне видится теперь, был выдающимся организатором, оратором, публицистом, но не теоретиком.

Единственным серьезным теоретическим трудом Троцкого являлась, на мой взгляд, его книга «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?» (1936 г.). Однако ее одной, как мне представляется, все же далеко не достаточно, чтобы постулировать существование пресловутого «троцкизма» – особого политического учения, якобы, развившегося усилиями Троцкого в рамках «марксизма-ленинизма».

Ярый противник Сталина, Троцкий бичует в своей книге его режим как «бюрократический абсолютизм». Автор справедливо указывает, что советская бюрократия «должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях». В книге с поразительной точностью предсказано бюрократическое перерождение советского режима полвека спустя: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от

права собственности… Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс».

Перечисляя основные отличительные черты троцкизма, в первую очередь называют, как правило, «теорию перманентной революции». На мой взгляд, это утверждение лишено реального содержания. По-моему, применительно к «перманентной революции» уместней вести речь не о цельной теории, а о достаточно широком комплексе идей, отражающих особенности революционного процесса в странах слаборазвитого капитализма. Эти проблемы затрагивали еще Маркс и Энгельс, а вслед за ними Ленин, хотя сам термин «перманентная революция» они, как правило, не использовали.

После Ленина идеи «перманентной революции» превратились из преимущественно теоретических проблем в острое орудие политической борьбы. Так, «теория перманентной революции», приписанная Троцкому, подверглась резкой критике руководством ВКП(б) в середине 20-х гг., когда развернулось ожесточенное противоборство между сторонниками Сталина и Троцкого. В свою очередь, Троцкий в работе «Перманентная революция» (1930 г.) противопоставил данную теорию концепции «социализма в одной стране» Сталина-Бухарина.

Сталин. В раннем детстве имя И.В. Сталина чаще всего ассоциировалось у меня со строками Гимна Советского Союза, которые до 1957 г. каждое утро звучали по московскому радио: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». Правда, смысл этих высокопарных слов был для моих сверстников совершенно невнятен. Мы почти не успели пожить при Сталине и потому резонно полагали, что вырастили нас наши родители, а вовсе не он.

Затем эти строки ушли в прошлое заодно с памятниками Сталину, его многочисленными портретами на праздничных демонстрациях и в присутственных местах, а также с пожелтевшими номерами «Правды» за дни похорон Сталина, хранившимися у нас дома. Им на смену пришел маловразумительный официальный эпитет «культ личности» и нелицеприятные фразы по адресу Сталина, то и дело звучавшие в нашей семье, которая подверглась в годы его правления жестоким антинемецким репрессиям. А с 1961 г., когда тело Сталина было вынесено из Мавзолея, его имя стала все сильней покрывать пелена забвения.

Так продолжалось до конца 60-х гг., пока из печати не начали выходить мемуары Г. Жукова, С. Штеменко и других военачальников периода Великой Отечественной войны, где в той или иной мере освещалась роль Сталина как Верховного Главнокомандующего. Я жадно набросился на эти книги, но целостного представления о многолетнем правлении Сталина они, конечно, дать не могли. Помнится, полвека назад я говорил в этой связи своим однокашникам по Ленинградскому университету, что пора бы, наконец, издать биографию Сталина в серии «Жизнь замечательных людей».

В 2009 г. такая книга, написанная С. Рыбасом, автором ряда политических биографий, действительно появилась, однако широкого резонанса она не вызвала, хотя среди российских и советских политических деятелей практически никто не может сравниться сейчас со Сталиным по степени своей популярности. Думаю, этот парадокс во многом объясняется тем обстоятельством, что популярен не столько сам Сталин, о личности и деятельности которого мало кто из ныне живущих российских граждан имеет реальное представление, сколько уничтоженное Советское государство, которое он единолично возглавлял около четверти века, т.е. треть периода его существования, – значительно дольше остальных правителей СССР.

Более того, сегодня я считаю, что Сталин и являлся создателем Советского государства – Ленин, обычно фигурирующий в данном качестве, в действительности успел заложить только его основы. Это государство было крайне противоречивым

образованием, продемонстрировавшим как выдающийся созидательный потенциал, так и явную несостоятельность, а то и нецивилизованность во многих отношениях. Аналогичная противоречивость была присуща и Сталину, его создателю.

Исходя из такого рода соображений, я отношусь теперь и к понятию «сталинизм», подброшенному в СССР западными авторами, преимущественно антикоммунистами, и когда-то привлекшему мое пристальное внимание. На период правления Сталина пришлись такие несхожие события, как индустриализация и коллективизация, варварские политические репрессии и Великая Отечественная война, послевоенное восстановление страны и подготовительные этапы освоения космоса. Спрашивается, что же из перечисленного должно ассоциироваться у нас со сталинизмом? Кстати, дочь С.П. Королёва, пионера советской космонавтики, вспоминала, что на ее отца, несколько раз встречавшегося со Сталиным, произвела большое впечатление неожиданная компетентность последнего в ракетной технике – казалось бы, очень далекой от него сфере.

Что касается теоретических взглядов Сталина, то в целом они вполне вписываются в круг идей «марксизма-ленинизма» 1-й половины XX в. Единственным исключением является сталинская концепция «социализма в одной отдельно взятой стране». Однако и ее появление было вызвано, на мой взгляд, не внезапной тягой Сталина к теоретическим новациям, а вполне объяснимой причиной – утратой большинством большевистских лидеров надежд на «мировой революционный пожар» после окончательного краха попыток разжечь «пролетарскую революцию» в Германии в 1923 г. При этом наибольшими энтузиастами мировой революции были именно противники Сталина по борьбе за власть – Л. Троцкий, Г. Зиновьев, К. Радек и др., дружно встретившие идею «социализма в одной стране» в штыки.

Дальнейшее исследование политической биографии Сталина сопряжено с серьезными трудностями. Сочинения, а также устные выступления, оставшиеся после Сталина, носят в основном конъюнктурно-пропагандистский характер и мало что дают для понимания его политической фигуры. К тому же они по большей части уже проштудированы вдоль и поперек.

Несколько иначе, насколько я могу судить, обстоит дело с выступлениями Сталина в 1943-45 гг. на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях лидеров стран антигитлеровской коалиции. Достаточно полные собрания документов и материалов данных конференций были изданы в СССР в 70-80-х гг. Эти издания, в отличие от официальных 13-томных сочинений Сталина, не могли подвергнуться серьезному последующему редактированию, т.к. аналогичные собрания выходили в свет и в США. Потому использование данных изданий для анализа политических взглядов Сталина, на мой взгляд, не только целесообразно, но и необходимо.

Хрущёв. Н.С. Хрущёв, в отличие от вышеописанных правителей, был советским вождем на моей памяти – к моменту его смещения я уже учился в 7-м классе. Поэтому в детстве и юности он интересовал меня гораздо больше Ленина, Троцкого и Сталина, вместе взятых. Песен о Хрущёве в период его правления не пели. Как бы вместо них в народе рассказывали массу стишков и политических анекдотов о «нашем Никите Сергеевиче». Мне помнится даже загадка на эту животрепещущую тему: «Не сеет, не пашет – только шляпой машет».

Задним числом должен констатировать, что эти глумливые строки были глубоко несправедливы. Хрущёв действительно носил шляпу и периодически ею помахивал, но этим его руководящая деятельность далеко не исчерпывалась. Он работал много и охотно – в этом отношении с ним из советских вождей могли сравниться, пожалуй, только Ленин и Сталин. И в целом ряде случаев кипучая активность Хрущёва была достаточно плодотворна. Так, он немало сделал для научно-технического прогресса в стране (развитие военно-промышленного комплекса, освоение космоса и «мирного

атома», создание новых научных центров и т.д.), вел очень активную внешнюю политику.

Однако Хрущёв, имея низкий уровень образования и чересчур полагаясь на конъюнктурные советы своих консультантов, значительную часть усилий растрачивал впустую, а то и в ущерб делу. Тут нельзя не упомянуть его нескончаемые бесплодные эксперименты в сельском хозяйстве и в сфере управления, постоянную кадровую чехарду, разработку и принятие крайне амбициозной и столь же авантюрной Программы КПСС.

В период правления Хрущёва многие советские граждане, включая и меня, относились к нему весьма скептически, если не негативно. Особенно раздражали его малограмотные устные импровизации, частые расхождения между словом и делом – то и другое в сочетании с назойливой прохрущёвской пропагандой. Поэтому свержение Хрущёва под явно надуманным предлогом (неспособность исполнять свои обязанности по состоянию здоровья) было воспринято по большей части индифферентно или с одобрением. Однако деятельность его преемников, уступавших Хрущёву во многих отношениях, со временем побудила пересмотреть наше отношение к нему.

У меня самого это в полной мере проявилось к концу 70-х гг., когда я стал сопоставлять начало и конец правления Хрущёва и, с другой стороны, Брежнева с компанией. Хрущёв, при всех своих загибах и выкрутасах, «сдал» страну во вполне жизнеспособном состоянии, чего никак не скажешь о его преемниках. Почему произошло именно так, можно разобраться, я думаю, только с помощью тщательного анализа состояния советского общества в 50-80-х гг.

Должен отметить, что сейчас исследователи правления Н.С. Хрущёва располагают гораздо более обширным набором источников, чем их было, к примеру, полвека назад. В первую очередь назову трехтомник документов «Президиум ЦК КПСС. 1954-1964» (гл. редактор А.А. Фурсенко), изданный в Москве в 2003-08 гг. Кстати, выпускник Ленинградского университета А.А. Фурсенко, отец будущего российского министра образования и науки, выступал перед нами в нашу бытность студентами ЛГУ с лекцией о своей книге «Династия Рокфеллеров», изданной незадолго до этого, в 1970 г.

Другой важный источник – воспоминания Н.С. Хрущёва «Время. Люди. Власть», изданные в 4-х книгах в Москве в 1999 г. Их основой послужили устные рассказы Хрущёва, записанные на магнитофонную пленку в конце 60-х гг. и затем подготовленные к печати его сыном Сергеем. Этот источник примечателен уже тем, что ни один другой советский правитель не оставил после себя мемуаров. Пресловутые «воспоминания» Брежнева не в счет – они, насколько сегодня известно, были написаны не самим генсеком, а услужливыми кремлевскими журналистами. Заслуживает внимания и трилогия С.Н. Хрущёва о своем отце – «Никита Хрущёв. Реформатор» (М., 2010), «Никита Хрущёв. Рождение сверхдержавы» (М., 2019), «Пенсионер союзного значения» (М., 2018).

Все книги Хрущёва и его сына я внимательно прочел. Никаких существенных и неизвестных мне подробностей о деятельности Хрущёва я в его воспоминаниях не обнаружил. По-моему, самое примечательное в последних – это набор сюжетов из жизни Хрущёва, о которых он счел нужным и возможным рассказать на склоне своих лет. Должен сказать, что этот перечень значительно отличается от того, который представляет интерес для меня как читателя. Но тут уж ничего не поделаешь – каждый вспоминает о том, чем по тем или иным соображениям хочет поделиться он сам. Книги С.Н. Хрущёва показались мне с содержательной стороны гораздо интересней. Конечно, от человека, пишущего о своем отце, трудно ожидать полной объективности. Тем не менее, я считаю эту трилогию серьезным и достаточно глубоким аналитическим исследованием.

Брежнев. Песен о Л.И. Брежневе я по радио и телевидению не слышал никогда, а потому самонадеянно взял инициативу в этом важном государственном деле на себя. В 1977-79 гг. мне удалось сочинить две песни о Брежневе – «Космическую» и «Дубовую». Первую из них, например, венчали такие слова:

Отчего ж, теряя веру,
Иногда мечтаешь вдруг
Его сплавить на Венеру
Или в черную дыру?

Тут на память приходят строки другого фольклорного сочинения о Брежневе: «Кто на это даст ответ, тот получит 10 лет».

Фольклор – фольклором, но время пребывания Брежнева у власти осталось в моей памяти как гораздо более тягомотное и беспросветное, чем годы правления Хрущёва. Отчасти это связано, думаю, с тем обстоятельством, что полвека назад я был уже не дошкольником и школьником, как при Хрущёве, а вполне взрослым человеком, склонным предаваться размышлениям о событиях, происходивших тогда в нашей стране и за ее пределами. Так, в первое пятилетие правления Брежнева меня потряс ввод советских войск в Чехословакию – на мой тогдашний взгляд, совершенно неуклюже мотивированный и крайне вредный для международного престижа СССР.

А затем во мне стало крепнуть ощущение, что Советское государство медленно, но неуклонно погружается в какую-то вязкую и топкую трясину. Сегодня я вполне понимаю, откуда у меня появилось такое чувство. СССР был ярко выраженным идеократическим государством, и эрозия коммунистической идеи, заметная при Брежневе все сильнее, лишило это государство его единственно возможного скрепляющего стержня.

Бывший армейский политработник Брежнев не мог не иметь склонности к идеологии. Однако он был склонен к ней лишь как пропагандист партийно-политических идей, но отнюдь не как их творец. Последнее было явно не по плечу и заскорузлому догматику М. Суслову, занимавшему во времена Брежнева пост главного партийного идеолога. В результате советская коммунистическая идеология пошла, что называется, вразнос.

После свержения Хрущёва основная идеологическая задача партийной верхушки состояла в том, чтобы свести концы с концами с опрометчивым обещанием бывшего лидера о создании «материально-технической базы коммунизма» в стране к 1980 г. В 1967 г., выступая на торжественном заседании по случаю 50-летия Октября, Брежнев предпринял первую попытку подступиться к этой неподъемной задаче. Он заверил присутствующих, что «программа построения основ коммунистического общества» будет выполнена, но одновременно заявил, что в СССР уже создано некое «развитое социалистическое общество».

С приближением «судьбоносного» 80-го года брежневские идеологи предпочли больше не вспоминать о хрущёвском коммунизме и целиком переключились на «совершествование развитого социализма». Проблема состояла в том, что никто не мог четко сформулировать отличительные особенности «развитого» (или «зрелого») социализма. Помню, нам во время учебы на экономическом факультете ЛГУ втолковывали, что развитой социализм, в отличие от всякого прочего, «функционирует на собственной, социалистической основе». Такой словесной эквилибристикой имело смысл заниматься, быть может, перед студентами, но никак не перед менее подкованной публикой. Та в этих словесах уловила только одно: теперь у нас социализм развитой, тогда как раньше был недоразвитый!

Однако самые головоломные проблемы Брежнева с компанией были связаны не с идеологией, а со стремительным падением престижа и дееспособности партийного аппарата, все более откровенно озабоченного не «построением коммунизма» или

«совершенствованием развитого социализма», а сугубо карьеристскими и меркантильными целями. Но ведь «руководящая роль КПСС», закрепленная при Брежневе даже в Конституции СССР, была не просто звучным пропагандистским лозунгом, а самой сутью советской системы государственного управления. В результате страна под руководством Брежнева все больше теряла управляемость, что и привело к распаду СССР всего через 9 лет после ухода из жизни «дорогого Леонида Ильича».

С точки зрения чисто человеческих качеств Брежнев, насколько мы можем судить сегодня, был, пожалуй, самым образцовым советским правителем. Он не отличался жестокостью и коварством, имел вполне покладистый характер, с должным вниманием относился к окружающим и фактически руководствовался принципом: «Живи и давай жить другим». Все это безусловно продлило дни его пребывания у власти, но, увы, не могло продлить времени, отпущенного историей на существование СССР.

Разнообразная литература о временах правления Брежнева существует сегодня в изобилии. Она проясняет целый ряд аспектов истории этого долгого периода, за исключением, пожалуй, одного – как воспринимали то время и свою роль в нем сами тогдашние правители СССР.

В 2016 г. в Москве был издан трехтомник «рабочих и дневниковых записей» Л.И. Брежнева, который может дать некоторое представление и об этой непростой проблеме. Я не случайно выразился здесь весьма осторожно. Судя по отзывам об этом издании, Брежнев многие годы фиксировал на бумаге различные эпизоды своей жизни и деятельности, иной раз – собственное отношение к ним, но ничего не писал о самом главном – куда он вел страну в течение 18 лет и насколько ему удавалось реализовать планы на сей счет, разработанные им и его окружением. Результаты этого многолетнего бездумного руководства одной из крупнейших и сложнейших стран мира хорошо известны.

17. Коллективизация и раскулачивание

Полвека назад я располагал о коллективизации и раскулачивании в СССР немалыми, но весьма односторонними сведениями, которые почерпнул в основном из рассказов своих близких. Они вспоминали об этих ужасающих событиях постоянно, однако могли судить о них, естественно, лишь на примере своих родных мест – Республики немцев Поволжья.

Между тем, коллективизация и раскулачивание отличались на Нижней Волге, как и в других зерновых районах страны, особенно жестоким, даже варварским характером. Так, Немреспублика завершила сплошную коллективизацию одной из первых в СССР – со всеми сопутствующими эксцессами: неприкрытым насилием при втягивании крестьян в колхозы, лишением коллективизируемых не только скота, но и домашней птицы, массовым выселением раскулаченных в Казахстан и другие отдаленные районы страны (эта участь постигла и семью одной из младших сестер моего отца).

Широчайшие масштабы раскулачивания были во многом обусловлены тем обстоятельством, что само понятие «кулака», применяемое в те годы советскими властями, не имело четких содержательных рамок и допускало совершенно произвольные толкования. Так, среди немецких крестьян Поволжья систематическое использование наемного труда, которое официально считалось основным признаком кулачества, было большой редкостью, а потому подменялось на практике такими расплывчатыми критериями, как степень зажиточности или участия в «прокулацкой агитации».

Советская литература полувековой давности, как художественная, так и документальная, изображала коллективизацию и раскулачивание в грубо искаженном виде, очень далеком от исторической правды. В этом я убедился уже по штудированию «Поднятой целины» М. Шолохова, которой нас долгое время донимали на школьных уроках литературы. Маститый писатель, удостоенный в те годы Нобелевской премии по литературе, не только старательно пригладил острые углы процесса коллективизации, но и «сдобрил» его изложение с помощью откровенно карикатурной фигуры деда Щукаря.

Два десятилетия спустя после этого стали, наконец, появляться книги, повествовавшие правду о коллективизации и раскулачивании. Наибольшее впечатление среди них произвели на меня романы «Кануны» и «Год великого перелома» В. Белова, «Мужики и бабы» Б. Можаева.

Одновременно начали публиковаться и материалы об идейной борьбе в советском руководстве вокруг процесса коллективизации – противоборстве приверженцев «жесткого курса» во главе с И. Сталиным с «правой оппозицией» (или «правым уклоном»), позволявшей себе определенные возражения против форсированной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса».

Следует, однако, иметь в виду, что большинство «правых» (как, впрочем, и сталинцев) считало коренной экономической проблемой страны не коллективизацию, а индустриализацию, т.к. масштабы и темпы последней предопределяли долю продукта, изымаемого у крестьянских хозяйств, как и степень их вовлечения в колхозы. Немаловажным было и то обстоятельство, что такие лидеры «правых», как Н. Бухарин или М. Томский, никогда не жили на селе и не занимались решением аграрных проблем.

Сегодня я считаю, что массовая коллективизация в СССР была неизбежной – иначе стране не удалось бы в кратчайший срок создать тяжелую промышленность, позволившую победить в будущей беспощадной войне. А анализ влияния и взглядов «правых» привел меня к выводу, что сталинский вариант коллективизации практически не имел в руководстве страны серьезных альтернатив. Другое дело – дальнейшее развитие колхозно-совхозного строя, допускавшее различный характер, что видно хотя бы на примере одновременного наличия в стране передовых и отстающих хозяйств.

В последние десятилетия существования СССР сама советская пропаганда называла серьезнейшей экономической проблемой страны «отсутствие чувства хозяина». Насколько я могу судить, успехи или неудачи отдельных колхозов и совхозов во многом определялись тем, удавалось или нет их руководителям создать в хозяйствах такие условия, которые бы позволяли труженикам ощущать себя хозяевами даже при полном господстве колхозно-совхозного строя.

Что касается раскулачивания, то я в последние годы уделял много внимания исследованию его масштабов на примере немецкого населения СССР. За счет сопоставления итогов Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. мне удалось выяснить, что перемещение российских немцев по стране (в основном в северном и восточном направлениях) приобрело в этот период по-настоящему массовый характер. Правда, здесь сказалась не только «кулацкая ссылка», но и бегство населения в ходе катастрофического голода 1932-33 гг., ставшего результатом коллективизации.

18. Политические репрессии

О сталинских политических репрессиях 30-х гг. я был наслышан с детских лет – словосочетание «37-й год» то и дело звучало в рассказах моих близких об ужасающем прошлом. Это и понятно: в 30-х годах погибли многие наши родственники, включая двух братьев отца и двух двоюродных братьев матери. Правда, в 1937 г. политический

террор в Республике немцев Поволжья, где жила тогда наша семья, только разворачивался, его пик пришелся на 1938 г.

В годы правления Н.С. Хрущёва советская пропаганда охотно вещала о «нарушениях социалистической законности» при Сталине в 1937-38 гг. Однако терминология, используемая по этому поводу на Западе («большая чистка», «большой террор», «ежовщина»), до «перестроечных» времен находилась у нас под запретом. Она создавала нежелательное впечатление, что политический террор 30-х гг. представлял собой не некие «нарушения», а вполне закономерный процесс. К тому же выпячивание фигуры «железного наркома НКВД» Н. Ежова невольно отодвигало в тень его преемника Л. Берию. Между тем последний, с момента его казни в 1953 г., считался в СССР исчадием всех зол, хотя в данном случае для этого не имелось оснований – «большой террор» был свернут именно после прихода Берии к руководству НКВД.

Что касается прояснения причин «большого террора» 30-х гг., то хрущёвская, а также брежневская пропаганда обычно ссылались при этом на вывод И. Сталина об «обострении классовой борьбы» в процессе строительства социализма. Эта формула была известна и мне – правда, не столько со слов Сталина, сколько по известной песне Ю. Алешковского:

И вот сижу я в Туруханском крае,
Где конвоиры, словно псы, грубы.
Я это все, конечно, понимаю,
Как обостренье классовой борьбы.

Однако я находил такое объяснение, по меньшей мере, недостаточным – ведь слова Сталина прозвучали с высокой трибуны еще в 1929 г., тогда как «большой террор» разразился только 8-9 лет спустя.

Сегодня я считаю гораздо более убедительной другую трактовку причин «большого террора» – он был развязан в преддверии приближающейся «большой войны». Здесь Сталин во многом позаимствовал политическую линию Николая II – если иметь в виду государственные репрессии по национальному признаку.

В годы 1-й мировой войны царь Николай подверг репрессиям и ограничениям в правах не только подданных держав-противников – Германии, Австро-Венгрии и Турции, проживавших на территории Российской империи, но и – в неменьшей мере – «состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев», независимо от времени переселения в Россию их или их предков. Сталин в 1937-38 гг. развернул широкомасштабные «национальные операции НКВД» против выходцев из целого ряда стран, потенциальных противников СССР по надвигавшейся 2-й мировой войне, в ходе которых были осуждены 140 тыс. и приговорены к расстрелу 111 тыс. поляков, 55 тыс. и 42 тыс. немцев, 21 тыс. и 17 тыс. латышей и т.д.

Исследователи сталинского террора редко обращают внимание на то обстоятельство, что «национальными операциями» 1937-38 гг. преследования лиц неугодных национальностей в 30-х гг. далеко не ограничивались. Так, еще 5 ноября 1934 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с контрреволюционным фашистским элементом в немецких колониях», на основе которого развернулись репрессии против жителей немецких сел, получавших зарубежную помощь во время голода 1932-33 гг.

Вплотную занимаясь демографической статистикой, я, естественно, проявил особый интерес к данным о численности жертв сталинских репрессий. Когда-то основное внимание в этом отношении привлекали цифры, приведенные в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицыным. В начале 90-х гг., когда эта книга впервые вышла в свет в СССР, мне уже было известно (на примере высказываний автора о судьбе российских немцев), что сюжеты «Архипелага», не основанные на документах, нуждаются в основательном критическом переосмыслении. Это относится и к оценке количества

жертв политических репрессий, позаимствованной автором из малонадежных источников.

В 90-х гг. стали публиковаться соответствущие исследования историка В.Н. Земскова, основанные на архивных данных. Я встретился с Виктором Николаевичем в середине 2000-х гг. в Москве, на презентации книги о спецпоселенцах нашего общего знакомого В.А. Бердинских, другого известного историка сталинских репрессий. Мы общались тогда с Земсковым весь вечер, и я лишний раз убедился, что это серьезный добросовестный историк. Позднее, основываясь на его исследованиях, я написал статью «О численности немцев среди заключенных ГУЛАГа (1939-51 гг.)».

19. Пакт Молотова – Риббентропа

Советско-германский договор о ненападении («Пакт Молотова – Риббентропа») от 23 августа 1939 г. тоже стал известен мне благодаря моим близким. Правда, его содержания и, тем более, последствий они практически не знали. Им твердо запомнилось одно: Гитлер вероломно нарушил этот важнейший советско-германский пакт в июне 41-го, менее чем через два года после его подписания. Полвека назад я узнал из обширных воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» и о том, насколько была потрясена и дезориентирована Пактом Молотова – Риббентропа московская либеральная интеллигенция.

В следующий раз мое внимание сосредоточилось на Пакте Молотова – Риббентропа в 1-й половине 80-х гг., когда я обнаружил в спецхране одной из московских библиотек книгу с текстом Секретного протокола к нему. Сомнения по поводу подлинности протокола, вызвавшие столько словесных баталий в советских СМИ незадолго до распада СССР, меня не терзали. Реальные границы между советской и германской сферой влияния, установленные в 1939-40 гг., после начала 2-й мировой войны, были настолько близки к разграничению сфер интересов двух стран, закрепленному в Секретном протоколе, что оставляли мало места для сомнений.

Десятилетие спустя меня привлекла книга немецкого историка Ингеборг Фляйшхауэр «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939», русский перевод которой был издан в Москве в 1991 г. Дело было не столько в тематике книги, сколько в моем личном знакомстве с автором. Правда, при нашем тесном общении с проф. И. Фляйшхауэр в конце 1991 г. я еще не знал об изучении ею Пакта Молотова – Риббентропа: она была известна мне в то время только в качестве лучшего специалиста в Германии по истории российских немцев. В частности, в 1986 г. И. Фляйшхауэр издала в Штутгарте фундаментальное исследование о немецком населении Российской империи.

Не могу сказать, что мне была близка проблематика книги И. Фляйшхауэр о пакте Молотова – Риббентропа, а именно вопрос о том, кто явился инициатором его заключения. Книга заинтересовала меня в другом отношении – из нее было ясно видно, что в изучении пакта далеко не поставлена последняя точка, что исследования в этом направлении, с привлечением неизвестных архивных источников, вполне возможны и, более того, плодотворны.

Под влиянием книги И. Фляйшхауэр я пришел и к такому немаловажному выводу: узловым предметом дальнейшего изучения пакта должны явиться вопросы о том, какие основные цели, военные и политические, преследовались Сталиным и Гитлером при его заключении, насколько двум сторонам удалось добиться их достижения. С тех пор прошло около 30 лет, однако официальная российская и германская историография все еще далеки от четкой постановки этих фундаментальных вопросов, не говоря уже об ответах на них. По моему убеждению, это не может не означать, что данные аспекты истории Пакта Молотова – Риббентропа

по-прежнему закрыты для непредвзятого обсуждения и исследования – очевидно, по политическим мотивам. Ниже я изложу свой подход к поставленным мной вопросам, не претендуя, естественно, на их всестороннее глубокое освещение.

Касаясь целей СССР, советские и российские историки чаще всего акцентировали внимание на том, что Сталин, опасаясь скорого нападения Германии, хотел отсрочить войну с ней, поскольку Советскому государству требовалось еще несколько лет для перевооружения и надлежащей подготовки Красной Армии.

В общем виде с этим утверждением можно согласиться, однако оно обходит очень существенный момент: в августе 1939 г. к большой войне с СССР не была готова и Германия, о чем Сталин не мог не знать. С другой стороны, советское руководство, конечно, понимало, что Гитлера, в случае его твердого намерения начать войну против СССР, не могли сдержать никакие договоры о ненападении.

Как правило, отмечалось и то обстоятельство, что Сталин, преследуя военные цели, стремился отодвинуть советскую границу подальше на запад. Это стремление тоже очевидно, но его чисто военная нацеленность, по-моему, весьма сомнительна.

Заметное перемещение границы требовало масштабного строительства в СССР новых приграничных оборонительных сооружений, что должно было занять, по меньшей мере, несколько лет. Для справки: вдоль старой границы было сооружено, начиная с 1928 г., 13 мощных укрепрайонов, протянувшихся от Карельского перешейка до берегов Чёрного моря (на Западе их тогда называли «линией Сталина»). На новой границе, от Балтийского моря до Карпат, с 1940 г. также стали возводиться 13 укрепленных районов (согласно неофициальной терминологии, «линия Молотова»), однако к началу войны в 1941 г. их среднюю готовность удалось довести лишь до 15-20%.

Относительно целей Гитлера обычно утверждается, что он хотел заключить пакт о ненападении с СССР, опасаясь предположительного советского вмешательства в предстоящую войну Германии с Польшей. В действительности он относился к возможности военной поддержки Польши со стороны СССР, ее заклятого врага, вполне скептически. Более того, Гитлер считал, что Польша не примет советского содействия, даже если СССР выразит готовность его оказать.

Рискну поделиться собственными соображениями относительно тогдашнего целеполагания сторон. На мой взгляд, Сталин пошел на подписание Пакта Молотова – Риббентропа в первую очередь ради восстановления исторической территории России. Известно, например, что 28 сентября 1939 г. он сказал в кругу своих ближайших соратников по поводу заключения в тот день договора о границах с Германией: «Тем самым мы начали процесс возврата Советскому Союзу тех территорий, которые в лихолетье Гражданской войны нашими врагами были насильственно отторгнуты от Советской России».

В отношении основной цели Гитлера я разделяю мнение о том, что он хотел предотвратить вмешательство СССР в будущую войну Германии – только не с Польшей, а с Францией. Разработка директивы о наступлении Германии на Францию и ее соседей (План «Гельб») к тому моменту еще не началась, но Гитлер уже в «Майн Кампф» недвусмысленно провозгласил «последнюю и решительную схватку с Францией». Тем временем в Германии резонно опасались реализации положений Франко-советского пакта о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., т.к. его статья II обязывала стороны оказать немедленную помощь и поддержку другой стороне, если та станет объектом неспровоцированного нападения третьего европейского государства.

Из изложенного видно, что основные военно-политические цели двух стран, побудившие их заключить Пакт Молотова – Риббентропа, были в дальнейшем полностью реализованы. Так же обстояло дело и с экономическими целями. Формально они не имели отношения к пакту, т.к. нашли отражение не в нем, а в Германо-

советском торговом соглашении, подписанном накануне, 19 августа 1939 г. Однако без предварительного урегулирования экономических отношений двух стран пакт Молотова – Риббентропа попросту не мог быть заключен. Реализация двустороннего торгового соглашения в 1939-41 гг. позволила в тот период СССР получить доступ к современным немецким военным и гражданским технологиям, а также приобретать у Германии чугун и сталь. В свою очередь, Германия импортировала из СССР нефтепродукты, зерно (в основном кормовое), хлопок, лесоматериалы, руды цветных металлов и др.

20. Вторая мировая война

Ни одно историческое событие не впечаталось настолько глубоко в сознание нашего поколения, как Великая Отечественная (или Вторая мировая) война. Я никогда не был особым поклонником военной литературы, но об этой судьбоносной войне, тем не менее, прочел немало.

Из художественной литературы на меня наибольшее впечатление произвели романы «Живые и мёртвые» и «Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина)» К. Симонова, «Июль 41 года» Г. Бакланова, а также «Молодые львы» американского писателя И. Шоу (эту книгу мне подарили в 1966 г. как одному из победителей областной математической олимпиады школьников), из документальной – воспоминания Г. Жукова и других советских военачальников, военные дневники «Разные дни войны» того же К. Симонова, сборник документов «Тегеран – Ялта – Потсдам», книга британского журналиста А. Верта «Россия в войне. 1941-1945», «Военный дневник» немецкого генерала Ф. Гальдера.

В 60-70-х гг. в СССР вышло немало впечатляющих кинофильмов о 2-й мировой войне, среди которых мне особенно врезались в память экранизация романа К. Симонова «Живые и мёртвые», документальные фильмы «Если дорог тебе твой дом» В. Ордынского и «Обыкновенный фашизм» М. Ромма. В те годы еще можно было увидеть и публичные выступления ветеранов Великой Отечественной войны. Из таких встреч я лучше всего запомнил выступления генерала В. Шатилова, одного из героев битвы за Берлин, знаменитых летчиков А. Маресьева и М. Девятаева.

Среди множества событий 2-й мировой войны мне издавна больше всего хотелось разобраться в самом, на мой тогдашний взгляд, необъяснимом – советской военной катастрофе лета 41-го. Официальные толкования этой трагедии во времена СССР казались мне неубедительными: я понимал (или, по крайней мере, подозревал), что советская пропаганда в данном случае много чего недоговаривает.

В постсоветский период до нас сразу же дошли неизвестные нам версии начала 2-й мировой войны, в первую очередь – из многочисленных книг Виктора Суворова (бывшего беглого резидента ГРУ СССР Владимира Резуна), заполонивших с 1992 г. прилавки российских книжных магазинов и вызвавших полярные отклики у нашей читающей публики. Мое отношение к этим произведениям с самого начала было двойственным: я оценил умение автора черпать тщательно скрываемую информацию из открытых источников, свойственное профессиональным разведчикам, но отнюдь не его склонность к рассуждениям с заранее заготовленными выводами, типичную для выходцев из совсем другой среды – пропагандистов и публицистов невысокого пошиба.

В самом деле, историографические сочинения В. Суворова целиком основаны на давно известных источниках, главным образом – мемуарах советских военачальников времен Великой Отечественной войны. С другой, однако, стороны, автор сразу же поставил на одну доску Сталина и Гитлера, политические фигуры совершенно разного склада, хотя и наделенные некоторым поверхностным сходством. В итоге их военно-

политическая стратегия оказалась под пером Суворова чем-то вроде зеркального отражения друг друга, что в действительности было далеко не так.

Другим известным произведением на данную тему стала книга М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения)» (М., 2000). В отличие от В. Суворова, автор не имел темных пятен в биографии, жил и работал в России, был профессиональным историком, широко использовал архивные источники и не считал, что германское нападение на СССР представляло собой упреждающий (превентивный) удар. Однако и М. Мельтюхов отстаивал симметричный характер военных планов Гитлера и Сталина, полагая, что последний, как и первый, намеревался начать войну в июне 1941 г.

Не будучи военным историком, я далек от мысли претендовать на выдвижение собственной версии событий лета 41-го. Хотел бы только обратить внимание читателя на некоторые обстоятельства, способные пролить на эти события дополнительный свет.

Во-первых, следует иметь в виду, что Германия и СССР преследовали в будущей войне друг с другом принципиально разные цели. Гитлер уже в книге «Майн Кампф» изложил свою главную военно-стратегическую цель – завоевание «жизненного пространства» на Востоке. Напротив, Сталина, насколько мы можем судить сегодня, в целом устраивали территориальные приобретения СССР в Европе, достигнутые в 1939-40 гг., и о «жизненном пространстве» на Западе он после них помышлял лишь мимолетно. Уже поэтому Гитлер и Сталин не могли иметь «симметричных» военных планов.

Во-вторых, к июню 1941 г. военно-стратегическое положение двух стран в корне отличалось. Германия, в отличие от СССР, находилась к тому моменту в состоянии войны (с Великобританией), что, по логике вещей, препятствовало ее нападению на Советский Союз. И Гитлер, и Сталин хорошо помнили роковые последствия для Германии ее противоборства на два фронта в ходе 1-й мировой войны. Потому Сталин и не доверял сообщениям советской разведки о намерении Гитлера напасть на СССР, не покончив предварительно с британским противником.

В-третьих, необходимо принять во внимание результаты оперативно-стратегических игр на картах с участием высшего военного командования СССР в январе 1941 г. На двух этапах этих игр была проанализирована готовность советских войск к наступлению на Запад (т.е. на Германию) соответственно в северо-западном и юго-западном направлениях. Второй вариант, как выяснилось, был для СССР гораздо более предпочтительным.

В-четвертых, к началу войны основной приграничный контингент советских войск был сосредоточен именно на юго-западном участке границы. Наша военная пропаганда издавна объясняет этот факт тем обстоятельством, что советская разведка, дескать, сообщала о сосредоточении на данном направлении основных сил Гитлера. Это объяснение никогда не казалось мне убедительным – уже потому, что разведчики, насколько известно, ничуть не реже доносили Сталину о крупномасштабной концентрации германских войск вблизи советских границ на западном направлении. Да и зачем было Сталину перебрасывать свои войска к границе уже в июне 41-го, если он не верил в возможность нападения Гитлера в ближайшем будущем?

По-моему, вся эта информация, вместе взятая, подводит ко вполне определенному выводу: Сталин в юго-западном направлении намеревался не обороняться, а наступать. Причем наступать, как нетрудно догадаться, в первую очередь для того, чтобы отрезать Германию от Румынии, лишив Гитлера доступа к румынской нефти, жизненно необходимой ему для ведения войны. Позволю себе усомниться, что когда-нибудь будут обнаружены официальные советские директивы о принятии и осуществлении подобного плана. Если таковые и существовали, то они,

скорее всего, давно уничтожены либо хранятся сегодня в особо секретных российских архивах.

Еще менее вероятно установление точной даты советского наступления в юго-западном направлении. Документы, на которые ссылался в этой связи М. Мельтюхов, не были официально утверждены и представляли собой всего лишь проекты военных директив, каковые разрабатываются «на все случаи жизни» любыми высшими штабами. Сталину не было никакой нужды заранее назначать дату своего смертоносного удара. Гораздо разумней – дождаться давно намеченной высадки Гитлера на Британские острова и начать наступление в ходе этой акции, когда германским войскам будет явно не до крупномасштабных операций на Восточном фронте.

В конечном итоге советские войска были готовы к июню 1941 г. нанести в подходящий момент наступательный удар, но не отразить вражеское нападение, что и обусловило последующую катастрофу Красной Армии.

21. Диссидентство

Диссидентами (т.е. «несогласными») было принято называть открытых критиков коммунистической идеологии и советской политики, действовавших с 1960-х гг. в СССР. Термин «диссидент» использовался главным образом на Западе, а также самими участниками диссидентского движения. Советская пропаганда предпочитала называть диссидентов «антисоветскими элементами», «антисоветчиками», «отщепенцами» и т.п. В нашем обиходном общении были в ходу также пародийные словечки – «досидент», «сидент», «отсидент», означавшие диссидента соответственно до, во время и после его отсидки.

Диссидентство впервые обратило на себя мое внимание в связи с «процессом Даниэля и Синявского» (1966 г.). Сами эти литераторы были мне тогда неизвестны, но судебный процесс над ними, вызванный анонимной публикацией их «клеветнических» книг на Западе, широко освещался в советских СМИ. Через два десятилетия, когда сочинения Юлия Даниэля (псевдоним Николай Аржак) и Андрея Синявского (Абрам Терц) увидели свет и в СССР, я был немало удивлен тем, что столь незначительные литературные произведения могли вызвать когда-то неистовую пропагандистскую шумиху.

В «доперестроечные» времена информация о диссидентах доходила до СССР в основном через западные радиоголоса и «тамиздат». У нас в Сибири эти источники информации были малодоступны, потому мои земляки имели о диссидентах весьма смутное представление. Исключение составлял, пожалуй, только новосибирский Академгородок, где многие ученые поддерживали связь со знакомыми московскими диссидентами, а некоторые и сами принадлежали к столичным диссидентским кругам. Поэтому вполне закономерно, что определенное представление о деятельности диссидентов я получил именно в Академгородке, когда учился в Летней физматшколе: в 1966 г. прочел там первые правозащитные статьи А. Сахарова, в 1967 г. услышал о подробностях процесса над Даниэлем и Синявским.

В 90-х гг., когда бывшие диссиденты действовали уже вполне открыто, мне доводилось видеться с некоторыми из них (Л. Богораз, М. Джемилев, С. Ковалёв, В. Новодворская, С. Григорьянц). Лучше всего запомнился последний, с которым я встретился в 1999 г. в Москве, на заседании «круглого стола», посвященного в основном этническим проблемам. У меня тогда создалось впечатление, что в этой тематике С. Григорьянц ориентируется слабо. Желающие могут сами решить, насколько я был прав, т.к. наши тогдашние выступления опубликованы: «Государство,

этносы, сепаратизм и проблемы прав человека. „Круглый стол“: проблемы, дискуссии, предложения» (М., 2000).

Диссидентство в СССР было почти сплошь прозападным. Редкие исключения из этого правила (деятели православного, монархического или левого толка, а также национальных движений) дела не меняют, тем более, что некоторые представители данных течений (к примеру, писатель-«почвенник» Л. Бородин) и сами не считали себя диссидентами. Мне никогда не были свойственны прозападные взгляды, потому я относился к деятельности большинства диссидентов достаточно прохладно. Правда, художественные и публицистические произведения некоторых из них (А. Солженицын, И. Шафаревич, А. Сахаров, тот же Л. Бородин) обратили на себя мое сочувственное внимание.

Мнения о результатах деятельности советского диссидентства весьма разноречивы. Встречаются даже утверждения о том, что именно диссиденты сыграли, якобы, решающую роль в развале СССР.

Подобных оценок я совершенно не разделяю. На мой взгляд, СССР развалили не диссиденты, а сама советская номенклатура. Диссидентство далеко не обладало тем уровнем организации и влияния, который был необходим для достижения этой цели, оно не выдвинуло достаточно привлекательных собственных идей и авторитетных лидеров. Даже самый известный диссидентский деятель, академик А. Сахаров, был непререкаемым моральным авторитетом лишь для некоторой части столичной интеллигенции. Тем не менее, диссиденты по-своему предвосхитили идею «реставрации капитализма», которая и разрушила Советское государство.

22. Закат советской экономики

В мою бытность школьником экономические проблемы меня интересовали мало. К началу 70-х гг. ситуация резко изменилась: мне вдруг захотелось разобраться, как же реально обстоят дела в советской экономике. В то время я уже знал, что экономическому базису (или «производственным отношениям»), согласно марксистской теории, принадлежит ведущая роль в развитии любого общества. А тогдашнее состояние советского общества, начавшего вползать в дремотный брежневский «застой», все сильней наполняло тревогой не меня одного. В результате я с 1971 г. стал студентом экономического факультета Ленинградского университета.

Моя новая «альма матер» удивила меня во многих отношениях. В первую очередь поразил откровенно жалкий уровень советской экономической науки. Уже по некоторым нашим учебным курсам (политэкономия социализма, планирование народного хозяйства и т.д.) становилось очевидно, что высокими научными стандартами там по большей части и не пахнет. С другой стороны, тогдашнее состояние советской экономики оказалось не настолько плачевным, как представлялось мне, наслышанному об «отсутствии чувства хозяина» в нашем государстве. Тут все было логично: это пресловутое «чувство» действительно таяло на глазах, однако в начале 1970-х гг. советская экономика, тем не менее, достигла наивысшего уровня развития за свою 74-летнюю историю.

Ситуация стала проясняться для меня уже к середине 70-х гг., когда завершалось мое обучение на экономфаке ЛГУ. В девятой пятилетке (1971-75 гг.) рост основных экономических показателей в СССР значительно уступал восьмой (1966-70 гг.): национальный доход – соответственно 28% и 42%, валовая продукция промышленности – 43% и 51%, сельского хозяйства – 13% и 21%. В дальнейшем эти регрессивные тенденции только усиливались, и в 11-й пятилетке (1981-85 гг.) страна в полной мере вступила в состояние экономического застоя: указанные показатели составили тогда всего 16,5%, 20%, 11%.

Причины такого состояния дел не составляли секрета даже для тогдашних студентов-экономистов. Так, мы хорошо знали, что «косыгинская» экономическая реформа, жизненно необходимая Советскому государству и громогласно провозглашенная в 1965 г., была свернута уже через несколько лет – главным образом по политическим мотивам. Основные ее идеи имели подозрительное сходство с теориями «рыночного социализма», которые после подавления советскими танками «Пражской весны» в августе 1968 г. стали считаться у нас в стране тягчайшим политическим криминалом.

В результате начало нарастать технологическое отставание советской экономики, стремительно падала эффективность производства, что нашло свое выражение в первую очередь в динамике производительности общественного труда и фондоотдачи, т.е. эффективности использования основных производственных фондов.

На значимость последнего показателя мое внимание обратили еще на экономфаке ЛГУ, и с тех пор я внимательно отслеживал немногочисленные данные официального статсборника «Народное хозяйство СССР», дававшие представление об уровне фондоотдачи. Эти сведения свидетельствовали о том, что советская экономика все в большей мере «вращается на холостом ходу» – затраты на ее развитие стали регулярно опережать достигаемые результаты.

В 70-х гг. возможности экстенсивного развития экономики СССР (за счет дополнительного привлечения природного сырья и трудовых ресурсов) подошли к концу. Отныне экономический рост мог базироваться только на использовании достижений научно-технической революции и прочих интенсивных факторов. Между тем, ускорению экономического развития страны все сильней мешали гипертрофированно разросшийся ВПК (военно-промышленный комплекс) и малоэффективный АПК (агропромышленный комплекс), препятствовавший перетоку рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и сферу услуг.

С другой стороны, значительное влияние на советскую экономику оказал скачок мировых цен на нефть. Они возросли в 4 раза в 1973-74 гг. и снова повысились в 1979-81 гг., что сделало энергетический сектор главной движущей силой экономического развития нашей страны. В результате намного увеличилась валютная выручка СССР, но она расходовалась в основном на импорт остро недостающего продовольствия и товаров народного потребления.

С приходом к власти М. Горбачёва в 1985 г. была предпринята попытка вывести экономику СССР из глубокого кризиса за счет «ускорения социально-экономического развития». Однако это подобие экономической реформы оказалось совершенно непродуманным и потому с треском провалилось.

Вместо того произошло резкое снижение бюджетных поступлений за счет обвала нефтяных цен на мировом рынке, а также авантюрной антиалкогольной кампании. Одновременно нарастали бюджетные расходы – следствие Чернобыльской катастрофы, дорогостоящих военных действий в Афганистане и т.д. В общем итоге к началу 90-х гг. бюджетная и денежная системы страны окончательно разбалансировались. Это означало не что иное, как полный крах советской социалистической экономики.

23. Мировая экономика

Интерес к современным экономическим проблемам зарубежных стран и мировой экономике возник у меня полвека назад, в связи с моим обучением на экономическом факультете Ленинградского университета. Отмечу, что именно на нашем факультете еще в 1957 г. была создана одна из первых университетских кафедр

в СССР, специализировавшихся на изучении данной проблематики, – кафедра экономики современного капитализма во главе с С.И. Тюльпановым.

В нашу бытность студентами С.И. Тюльпанов, невзирая на свой почтенный возраст, еще работал на факультете, и в 1973 г. я с интересом прочел его монографию «Актуальные проблемы современного капитализма», написанную в соавторстве с В.Л. Шейнисом, в будущем – известным российским политическим деятелем, с которым мне тоже доводилось встречаться. Запомнилась с тех времен также книга «Миллионеры и менеджеры» С.М. Меньшикова, знакомого мне по Новосибирскому университету.

Привлекали меня, конечно, и труды зарубежных специалистов в области экономики, в особенности «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса, «Новое индустриальное общество» Дж. К. Гэлбрейта, «История экономического анализа» Й. Шумпетера, «Экономика: вводный анализ» П. Самуэльсона, „Wohlstand für Alle“ («Благосостояние для всех») министра экономики, а затем канцлера ФРГ Л. Эрхарда.

За истекшие с тех пор полвека мировая экономика выросла весьма существенно. Так, валовой внутренний продукт (ВВП) всех стран мира повысился, согласно одной из оценок, с 13,8 трлн. долл. в 1970 г. до 27,1 трлн. в 1990 г. и 73,6 трлн. в 2019 г. Правда, эти данные достаточно условны, т.к. не учитывают роста цен и падения покупательной способности доллара, особенно стремительных именно в последние десятилетия. При этом объем международной торговли возрастал гораздо быстрее совокупного мирового производства (за 1950-2000 гг. – соответственно в 20 и 6 раз).

Однако наиболее значительные изменения мировая экономика претерпела не в количественном, а в качественном отношении. Здесь принципиально различаются три этапа продолжительностью примерно по 20 лет каждый (третий из них еще не завершен).

До середины первого этапа (т.е. основную часть 70-х гг.) экономика США и других стран Запада находилась в состоянии перманентного кризиса, начало которому положил резкий скачок мировых цен на нефть после арабо-израильской войны 1973 г. В то время в СССР, который динамично наращивал собственную добычу нефти, темпы экономического роста были заметно выше, чем на Западе, хотя и имели тенденцию к понижению. Однако инертное брежневское руководство и не помышляло об использовании для противоборства с Западом этого временного преимущества СССР в экономическом соревновании с ним.

В начале 80-х гг. в США изобрели «рейганомику» – глобальную финансовую «пирамиду», позволявшую стимулировать производство товаров и услуг посредством искусственного взвинчивания спроса на них за счет потребительского кредита. С тех пор американские и прочие западные потребители привыкли жить, все глубже влезая в долги, но при этом создавая условия для ускоренного наращивания объема производства. Советская экономика, лишенная таких механизмов роста, стала безнадежно уступать американской, что и обеспечило Западу пресловутую «победу в холодной войне».

Второй этап (90-е – 2000-е гг.) начался с расформирования в 1991 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) – межправительственной экономической организации, объединявшей СССР и другие социалистические страны. Напротив, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), основной конкурент СЭВ в западном мире, увеличило на первом этапе численность своих членов с 6 (1972 г.) до 12 (1986 г.). В 1993 г. на основе ЕЭС создается Европейский союз (ЕС), объединивший к 2013 г. 27 государств, включая 6 прежних членов СЭВ и 3 бывшие союзные республики СССР.

На втором этапе, в условиях «однополярного мира» во главе с США, в мировой экономике целиком возобладала рыночная (капиталистическая) система, что позволило развернуть в полной мере процесс экономической глобализации (т.е. интеграции и

унификации), ведущую роль в котором играет международная торговля. Растущая глобализация экономики нашла выражение также в резком увеличении масштабов и темпов перемещения капиталов, разрастании мировых финансовых рынков, которые стали функционировать круглосуточно.

Глобализация представляет собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, он облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, обеспечивает экономию ресурсов, стимулирует мировой экономический прогресс. Однако в то же время глобализация порождает все более ощутимые негативные последствия, что со всей наглядностью проявилось в последнее десятилетие.

В третий этап (с 2010 г. по настоящее время) мировая экономика вступила в разгаре всеобщего экономического кризиса, который начался в 2007-08 гг. и не преодолен в полной мере до сих пор. По своим масштабам и последствиям этот кризис сопоставим лишь с Великой депрессией 1930-х гг.

Тяжелый удар по мировой экономике нанесла пандемия коронавирусной инфекции (с конца 2019 г.). При этом мир был далек от процветания уже накануне «коронакризиса»: в 2019 г. темпы глобального экономического роста оказались самыми низкими за последнее десятилетие. Пандемия привела к закрытию многих предприятий, особенно в странах с высоким процентом заболевших, и в то же время к быстрому возрастанию спроса на продукты повседневного потребления, а также к резким перебоям в поставках, сильнее всего затронувшим электронику и контейнерные перевозки.

Не успела мировая экономика оправиться от пандемии коронавируса, как в начале 2022 г. разразился крупномасштабный экономический кризис, наиболее заметно проявившийся до сих пор в стремительном росте цен и дефиците продуктов питания. Особое беспокойство вызывает нехватка поставок их основных товарных групп – пшеницы, кукурузы, семян масличных культур. Ситуация усугубляется сильным повышением цен на природный газ и производимые из него азотные удобрения.

Характерная черта современных кризисных явлений состоит в том, что они ощутимо затронули все крупнейшие экономики мира – США, Китай, Европу (страны ЕС). Так, в безвозвратном прошлом остались лучшие времена Евросоюза, который не смог «переварить» авантюрное принятие в свои ряды экономически и политически беспомощных стран Восточной Европы даже десятилетие спустя. В США тяжелые экономические проблемы, связанные с массовым выведением американской промышленности за пределы страны и ослаблением мировых позиций доллара, сочетаются с политическим расколом жителей и элит Соединенных Штатов. Что касается Китая, то он испытывает сегодня наиболее серьезные экономические трудности за последнюю четверть века.

Другая важная особенность нынешней мировой экономики – все более заметное распадение глобального рынка на несколько локальных (региональных) рынков. Этому явлению способствовал целый ряд процессов – уже отмеченный кризис прежней мировой валюты (доллара США), фактическое прекращение функционирования Всемирной торговой организации (ВТО), подмена установленных ею норм совершенно произвольными экономическими санкциями, в т.ч. наложенными на так называемые «страны-изгои» (Россию, Иран, Северную Корею и т.д.).

24. Реставрация капитализма

Термин «реставрация капитализма» ассоциировался у меня полвека назад главным образом с передачами пекинского радио на русском языке, которые я, проживая на юге Западной Сибири, имел возможность слушать с середины 60-х гг. каждый вечер.

Разнообразием или убедительностью эта «антикапиталистическая» пропаганда наших китайских «братьев по классу», прямо скажем, не отличалась. Они из раза в раз воспроизводили одни и те же пропагандистские клише: мол, «советские ревизионисты-ренегаты», вступив в «сговор с американским империализмом», явно ведут дело к «реставрации капитализма» в СССР, тогда как китайские коммунисты, верные «бессмертному учению Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина и Мао-Цзэдунъидеям», твердо стоят на почве диктатуры пролетариата.

Дабы воспринять всерьез всю эту ахинею, нужно было, по меньшей мере, представить, что «диктатура пролетариата» действительно возможна в полуфеодальном китайском обществе, однако для этого требовалась слишком уж буйная фантазия.

Два десятилетия спустя окончательно выяснилось, что китайские коммунисты склонны к «реставрации капитализма» ничуть не меньше советских. Еще раньше я уяснил, что причиной советско-китайского противостояния было вовсе не разное отношение к капитализму, марксизму-ленинизму или политике США, а сугубо прагматичный вопрос – какой из двух стран должна принадлежать руководящая роль в «международном коммунистическом и рабочем движении»? Другая кардинальная проблема – как же была возможна практически одновременная «реставрация капитализма» не только в СССР и Китае, но и почти во всех других социалистических странах? – оказалась более заковыристой.

В последние годы тематика «реставрации капитализма» привлекла определенное внимание немногочисленных российских марксистов-ленинцев. Правда, их интересует несколько иной аспект проблемы: по каким причинам был реставрирован капитализм в СССР? Не думаю, что такая постановка вопроса плодотворна, т.к. любой ответ на него неизбежно порождает длинную вереницу других вопросов.

Рассмотрим в качестве примера брошюру некоего А. Редина «Причины реставрации капитализма в СССР» (2018 г.). Итоговая глава этого сочинения носит название: «Оппортунистическое перерождение руководства партии – причина реставрации капитализма в СССР». В тексте главы утверждается, что «причиной реставрации капитализма в СССР являлась некомпетентность членов КПСС, особенно в ее руководящем составе, в вопросах практического строительства коммунизма».

Автор подчеркивает, что при Ленине и Сталине особой нетерпимостью к подобным явлениям в партийном руководстве отличались сами вожди. Но если это справедливо, то как же Сталин мог допустить, чтобы его сменили у власти махровые оппортунисты и попросту некомпетентные люди? Боюсь, что для прояснения столь многослойного вопроса А. Редину придется написать еще не одну брошюру.

Возвратимся к нашей проблеме «реставрации капитализма» в целом ряде стран Европы и Азии на рубеже 80-х и 90-х годов. Если считать, что в СССР и других соцстранах и в самом деле существовал общественный строй, принципиально отличный от капитализма, то такая массовая и быстрая метаморфоза выглядит попросту немыслимой.

Однако мне еще за десяток лет до этого стало очевидно, что советское общество с гораздо большим основанием может считаться государственно-капиталистическим, нежели социалистическим. И исходил я при этом из известного положения марксизма: любой общественный строй отличается от всех прочих в первую очередь способом соединения рабочей силы со средствами производства. В СССР на моей памяти труженики продавали свою рабочую силу государству, как это происходит и при «классическом» капитализме, если речь идет об обслуживании государственных средств производства.

Коль скоро «реставрация капитализма» представляла собой всего лишь смену одной разновидности капиталистического общества другой, то объяснить ее гораздо проще, чем переход от более прогрессивного общественного строя (на чем

применительно к «реальному социализму» твердо настаивала советская идеология) к менее прогрессивному, т.е. более отсталому.

Конечно, все эти теоретические суждения не идут ни в какое сравнение по своей значимости с реальным процессом «реставрации капитализма» в СССР. Ничего подобного я, признаться, не мог себе представить даже за несколько месяцев до официального старта этой самой реставрации. Некоторое прояснение наступило лишь в связи с роспуском КПСС по следам провалившегося «путча ГКЧП», а затем и с объявлением о предстоящих разрушительных «реформах» в экономике России. После этого до меня, наконец, стало доходить, что в нашей стране на смену порочному «реальному социализму» идет еще более уродливый общественный строй.

25. Противоборство с Западом

Проблематика советского противоборства с Западом знакома мне с тех самых пор, когда я начал читать газеты и иной раз слушать политические программы московского радио, т.е. со 2-й половины 50-х гг. В тогдашнем СССР публикаций и радиопередач по данному поводу было хоть отбавляй. «Западоборческие» мотивы проникли даже в наш песенный фольклор: «И в моральном, говорю, моем облике есть растленное влияние Запада» (песня «Красный треугольник» А. Галича).

Это противоборство, как и любой долгий политический процесс, имело свои подъемы и спады. Последнее в 50-60-х гг. наблюдалось, в сущности, лишь однажды – в 1959 г., по следам успешного визита Н.С. Хрущёва в США. После этого советская пропаганда вовсю затрубила о начавшемся «потеплении международной обстановки».

Среди тогдашней печатной продукции на сей счет мне запомнился стих «Потеплело» Ю. Яковлева из новогоднего номера журнала «Крокодил» за конец декабря 1959 г. Произведение далеко не принадлежало к шедеврам даже по меркам непритязательного «Крокодила» и осело в моей памяти, видимо, потому, что автор был мне уже известен своими стихами для детей. Поприветствовав долгожданное «потепление», советский стихотворец, как и подобало в таких случаях, дал понять, что с этим историческим событием смирились далеко не все «враги мира во всем мире»:

Рокфеллер готов заморозить экватор,
Он холода полон, как рефрижератор.
Дрожит от тепла пара бывших персон,
Трумэн и Ачесон.

Следующего «потепления» нам пришлось ждать целое десятилетие. Зато оно продолжалось гораздо дольше и сошло на нет только в канун 1980 г., по случаю ввода советских войск в Афганистан. Это была знаменитая «разрядка международной напряженности», основанная на достижении СССР ядерного паритета с США к началу 70-х гг. Другой советский поэт, Е. Евтушенко, воскликнул в те годы в порыве политического энтузиазма: «Международная разрядка идет по улицам Москвы!»

Тут, как и в период 2-й мировой войны, подтвердилось, что долгосрочное смягчение противоборства СССР с Западом требует, как правило, усиления нашей взаимозависимости друг от друга. Такого явления еще не было в 1959 г., а во времена М. Горбачёва и Б. Ельцина наблюдалась, напротив, односторонняя зависимость СССР/России от США и других стран Запада.

История современного резкого обострения противоборства России с Западом восходит к пятидневной российско-грузинской войне в августе 2008 г. Она началась с массированного артобстрела войсками грузинского марионеточного лидера М. Саакашвили, подстрекаемого властями США, территории Южной Осетии.

Мне представляется, что сегодняшнее глобальное обострение противоборства Запада с Россией и Китаем коренится в грубых политических просчетах властей США

и других западных государств. Так, страны Запада внушили себе, что сумели победить «советский блок» в многолетней «холодной войне», результатом чего, якобы, и стал развал СССР. В действительности же СССР распался главным образом по внутренним, а не внешним причинам. Отсюда следует, что назойливые претензии Запада на безоговорочную политическую капитуляцию перед ним России, правопреемницы СССР после его распада, лишены всяких реальных оснований.

Столь же сюрреальны нынешние громогласные стенания в США по поводу нестерпимой экономической экспансии Китая. Американцы сами «вскормили» своего будущего глобального конкурента, вложив громадные средства в экономику Китая начиная с 1970-х гг., когда были нормализованы американо-китайские отношения. И если Г. Киссинджер по-прежнему превозносит тогдашнюю американскую политику в отношении Китая, «архитектором» которой был именно он, то остается только списать эту вопиющую политическую близорукость на слабое понимание китайских реалий госсекретарем США 70-х годов и его нынешний «мафусаилов» возраст.

Не будем, однако, забывать, что противостояние России с Западом началось отнюдь не в XX-XXI вв., а намного раньше. Одним из первых в России обратил пристальное внимание на это многовековое явление известный социолог, культуролог и геополитик Н.Я. Данилевский, 200-летие которого отмечалось в декабре 2022 г.

В свой книге «Россия и Европа» (1869 г.) Н. Данилевский выдвинул теорию десяти обособленных «культурно-исторических типов» (цивилизаций), включая славянский и германо-романский (европейский). Они, по словам автора, развивались подобно живым организмам и, как биологические виды, находились в непрерывной борьбе друг с другом. В культурно-историческом смысле Россия, по мнению Данилевского, никогда не принадлежала к Европе.

Попытаюсь вкратце изложить свои собственные представления об этих непростых проблемах. Давняя обособленность России от Европы была вызвана, конечно, не только их внушительной географической удаленностью друг от друга, но и принадлежностью к очень разным ветвям христианства (или культурам) – западной (католической и протестантской) и восточной (православной).

Западу Россия всегда казалась непомерно разросшимся, далеким, малопонятным, а то и зловещим гигантом, хотя европейская политика в отношении России, включавшая многотысячные нашествия вражеских орд Наполеона и Гитлера, была гораздо более зловещей. При этом сведения о России у подавляющего большинства европейцев, как правило, отсутствовали, поскольку не представляли для них насущного практического интереса.

В России дела обстояли иначе – по крайней мере, со времен царя-реформатора Петра I. Он постоянно интересовался ситуацией на Западе и стремился учиться у него, тогда как ни одному европейскому правителю не приходило в голову чему-то поучиться у России.

Тем не менее, в конце XX в. возникла идея «единой Европы от Лиссабона до Владивостока», снискавшая в начале 2000-х гг. политические симпатии у таких видных государственных деятелей, как президент Франции Ж. Ширак, канцлер ФРГ Г. Шрёдер и президент России В. Путин. Однако тогдашнее сближение России с Европой было порождено не глубинными историческими процессами, а достаточно случайной политической конъюнктурой и потому бесследно исчезло вместе с последней.

26. Россия и Германия

У меня, немца, выросшего в России, российско-германская проблематика всегда вызывала самый живой интерес. В годы моего детства это касалось главным образом

взаимоотношений СССР и ГДР – остальные сюжеты российско-германской истории были либо слишком мрачными, либо малознакомыми для меня.

Следует иметь в виду, что ГДР, созданная в 1949 г. на основе советской оккупационной зоны Германии, с самого начала развивалась под политическим и идеологическим контролем СССР. Несколько лет назад я обнаружил на «блошином рынке» в соседнем Тюбингене „Kurzer Lehrgang“ – немецкую версию сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», изданную в 1950 г. Сколько же экземпляров этого «большевистского талмуда» нужно было выпустить тогда в Берлине, чтобы они встречались в продаже даже 70 лет спустя, причем на таком удалении от территории бывшей ГДР!

Однако Сталин не ограничивался наводнением поверженной Германии советской пропагандистской литературой – он не чурался и личного инструктирования лидеров ГДР. Опубликованы, например, записи его бесед с В. Пиком, В. Ульбрихтом и О. Гротеволем в апреле 1952 г., т.е. менее чем за год до смерти Сталина.

Мне довелось побывать в ГДР летом 1970 г. в составе студенческой тургруппы Новосибирского университета, где я тогда учился. В то время В. Ульбрихт, которого инструктировал Сталин 18 лет назад, еще находился во главе ГДР – он был заменен Э. Хонеккером только в мае 71-го.

В ходе нашей трехнедельной поездки по ГДР я, свободно владея немецким языком, имел возможность пообщаться наедине со многими местными немцами различного возраста и социального статуса. Могу засвидетельствовать, что в целом они относились к СССР безо всякого предубеждения, даже благожелательно. Правда, познаний о нашей жизни у них было, прямо скажем, не густо. Впрочем, рядовые советские граждане знали тогда о ГДР и, тем более, о ФРГ еще меньше.

Первые два десятилетия существования ФРГ советская пропаганда расценивала это государство сугубо негативно. Ситуация изменилась только с приходом к власти в ФРГ социал-либеральной коалиции во главе с В. Брандтом (1969 г.), а затем и с подписанием в Москве советско-западногерманского договора (1970 г.). Договор был заключен как раз во время нашего пребывания в ГДР, и я хорошо помню, с каким энтузиазмом отнеслись там к долгожданному урегулированию советско-западногерманских отношений.

Мой профессиональный интерес к экономической и прочей жизни Западной Германии берет свое начало в середине 70-х гг., когда я приступил в Ленинградском университете к подготовке дипломной работы о распределении и перераспределении национального дохода ФРГ в 1950-75 гг., т.е. практически за все время тогдашнего существования этого государства. В ходе этого занятия я основательно углубился в экономическую и статистическую литературу ФРГ. Особое впечатление произвели на меня тексты тамошних докторских диссертаций. Советские кандидатские диссертации по экономике, формально равноценные им, сравнения с ними по научному уровню, увы, не выдерживали.

В 1991 г. я впервые побывал в Бонне, столице ФРГ, а с 2007 г. проживаю на территории Западной Германии, в Земле Баден-Вюртемберг. Должен прямо сказать, что к России/СССР здесь относятся существенно негативней, чем это было на моей памяти в ГДР.

Изначально, насколько я могу судить, это явление было связано с характером преподавания истории в ФРГ. Образовательная система Западной Германии, начиная с 1945 г., складывалась под неусыпным надзором западных оккупационных властей, в первую очередь США, которые стремились не допустить никакого сближения послевоенной Германии с СССР.

Другой важный (а в последние десятилетия безусловно решающий) фактор – это информационная политика германских СМИ, почти открыто формируемая теперь не в

Берлине, а в Вашингтоне. Никакого плюрализма мнений, никакой свободы слова там сегодня нет и в помине. Содержание германских публикаций, теле- и радиопередач, посвященных российско-советской проблематике, неотличимо примерно в той же мере, как это было с политической тематикой в различных советских СМИ.

В результате в Германии выросли целые поколения политических деятелей, не способных и не желающих мыслить без заокеанских подсказок, не питающих к России ни интереса, ни каких-либо позитивных чувств. Если не так давно этот тезис еще нуждался в доказательствах, то после годичного пребывания у власти О. Шольца, А. Бербок и всей их красно-зелено-желтой компании он, на мой взгляд, более чем очевиден.

27. Загадочный Китай

Информация о соседнем Китае доходила до меня с детских лет. Публичного исполнения советской песни «Москва – Пекин» с ее проникновенными словами «Сталин и Мао слушают нас» я уже не застал, но бравурные реляции конца 50-х гг. о маоистском «Большом скачке», находившие отражение даже в нашем сатирическом журнале «Крокодил», помню хорошо.

Однако вскоре советские СМИ сообщили, что хваленый «Большой скачок» оказался авантюрой чистой воды, а В. Высоцкий иронично посоветовал китайским руководителям от имени рабочих некоего тамбовского завода: «Давите мух, рождаемость снижайте, уничтожайте ваших воробьев!» Совет не остался без последствий: в недалеком будущем в Китае с удвоенной энергией взялись за снижение рождаемости и отчасти продолжили истребление вредоносных воробьев, но этим китайская политика тех лет далеко не ограничивалась.

В августе 1966 г. в Китае началась печально известная «великая пролетарская культурная революция». Помню, мы с товарищами по Летней физматшколе в новосибирском Академгородке слушали по транзистору репортаж о грандиозном митинге по данному поводу на центральной пекинской площади Тяньаньмэнь, и неистово ревущая толпа вызвала у нас не иронию, а совсем другие чувства.

Затем я стал следить за китайскими событиями по хорошо информированному еженедельнику «За рубежом», где регулярно печатались обширные материалы на сей счет, и пришел к выводу, что «культурная революция» – это нечто наподобие нашего 37-го года. Тут мои тогдашние исторические познания меня подвели: события, аналогичные китайской «культурной революции» (яростное противостояние в партийно-государственных верхах), пришлись в СССР на вторую половину 20-х и начало 30-х гг., а в 37-м последовали массовые политические репрессии, спровоцированные этим недавним противоборством.

Пытаясь разобраться в том, что же творится в Китае, я с 1965 г., как уже отмечалось, постоянно слушал по вечерам передачи пекинского радио. Увы, никакого прояснения они у меня не вызывали – скорее, наоборот: чем дольше я подвергался массированному воздействию маоистской пропаганды, тем меньше смысла в ней находил. Авторы этих передач, в свою очередь, очень плохо понимали психологию советских радиослушателей. Безапелляционные тирады из Пекина казались нам чем-то вроде «юмора в коротких штанишках» и ни малейшего сочувствия у нас не вызывали.

Тут поневоле вспоминается начало «Баллады о Западе и Востоке» Р. Киплинга (перевод В.П. Бетаки): «Запад есть Запад, Восток есть Восток – им не сойтись никогда». Небезынтересны и ее дальнейшие строки:

Но ни Запада нет, ни Востока нет, нет ни стран, ни границ, ни рас,
Если двое сильных лицом к лицу встретятся в некий час!

Будем считать, что «двое сильных» – это нынешние Китай и Россия. Тогда получается, что они, встретившись «лицом к лицу», в состоянии преодолеть многовековое взаимное отчуждение, чем бы оно ни было вызвано. Хорошо бы, конечно, но до этого пока что, прямо скажем, далековато.

В детстве и юности мне удавалось черпать познания о Китае и по ходу своих дальних поездок. Так, в 1961-62 гг., когда мы с родичами ездили отдыхать в село Узун-Агач под Алма-Ату, я наблюдал на тамошней почте, как местные жители отправляли посылки своим близким в соседний Китай. Их содержимое меня поражало: оно состояло из самых немудреных вещей, уже во многом вышедших из употребления даже в нашей далеко не изобильной стране. В 1970 г. мы с товарищами по летней студенческой поездке в ГДР жили в берлинском районе Карлсхорст по соседству с китайским посольством и могли вдоволь любоваться громадной фотовитриной, выставленной у его входа. Почти все фотографии изображали китайских вождей во главе с Мао Цзэдуном, выряженных по случаю «культурной революции» в одинаковые полувоенные кители.

Мог ли я тогда представить, что донельзя военизированная страна с нищим населением превратится через несколько десятилетий в экономического гиганта? О феноменальной трудоспособности ее жителей были наслышаны даже те из нас, кто никогда не видел живых китайцев. Однако и такого ценного качества было бы далеко не достаточно, чтобы позволить Китаю совершить мощный экономический рывок, не имеющий аналогов в новейшей истории. Для этого безусловно требовались и громадные зарубежные (американские) капиталовложения.

Теперь, когда поток последних стремительно иссякает, сменяясь жесткими экономическими санкциями со стороны США, а также их союзников, Китаю придется продемонстрировать, чего стоит его экономика сама по себе. Тут, как говорится, возможны варианты, и какие из них станут реальностью, вряд ли знают даже нынешние китайские лидеры во главе с могущественным Си Цзиньпином. Тем более трудно судить об этом зарубежным наблюдателям за загадочным Китаем.

28. Мятежная Польша

В детстве и юности Польша была знакома мне главным образом по ее зрелищным кинофильмам со З. Цыбульским и с Б. Тышкевич в главных ролях, а также по книгам знаменитого писателя-фантаста С. Лема. Информация об истории Польши и ее современных особенностях доходила до меня только фрагментарно.

Так, в школьные годы я обратил внимание на ходовое выражение «польский гонор». Позже мне стало известно, что латинское слово honor, перекочевав в русский язык через польский, существенно изменило свой смысл: если в польском оно означает «честь», «почести», то в русском это значение давно утрачено, и сегодня «гонор» употребляется только в смысле «высокомерие» или «заносчивость». Иначе говоря, словосочетание «польский гонор» используется в современном русском языке преимущественно в негативном контексте.

Кроме того, школьные уроки истории привили мне некоторое представление о мятежном духе поляков, нашедшем свое выражение в национальных восстаниях 1830 и 1863 гг., а затем в польско-советской войне 1920 г. В последнем случае Польша, едва успев обрести независимость, ринулась восстанавливать свою восточную границу XVIII века. Война шла с переменным успехом, однако, согласно Рижскому мирному договору (1921 г.), Польша отхватила у Советской России обширные территории Западной Украины и Западной Белоруссии, где преобладало отнюдь не польское население.

В 1970 г. я увидел Польшу своими глазами, проехав через нее по пути из Москвы в ГДР и обратно. На фоне живописной территории ГДР ее восточная соседка выглядела весьма блекло и запомнилась мне в основном транспарантами «Граница по Одеру-Нейсе – граница мира», развешенными вдоль всего нашего пути. Впоследствии я узнал, что это изречение можно считать почти официальным: в Згожелецком (Гёрлицком) договоре о границе между Польшей и ГДР (1950 г.) граница по Одеру-Нейсе удостоилась эпитета «границы мира и дружбы». Правда, в ГДР я в 1970 г. ни одного транспаранта подобного содержания не заметил.

По-моему, полякам не лишне знать, что их страна целиком и полностью обязана своей современной западной границей не кому иному, как СССР во главе со Сталиным. Так, в романе А. Чаковского «Победа», основанном на официальных материалах Потсдамской конференции, во всех подробностях описано, как упорно и результативно отстаивал Сталин в Потсдаме перемещение польско-германской границы подальше на запад. Против этого категорически возражали британский премьер У. Черчилль, его преемник К. Эттли и президент США Г. Трумэн, т.е. лидеры тех государств, которые считаются сегодня в Польше ее наиболее давними, испытанными и верными друзьями.

В конце лета 1980 г. я впервые обратил на Польшу самое пристальное внимание: страну охватили массовые забастовки, начавшиеся на крупнейших судостроительных предприятиях – гданьских верфях. Забастовщики выдвинули, в частности, невообразимое для тогдашнего соцлагеря требование – официально санкционировать создание независимых профсоюзов. Увы, советские СМИ сообщали об этих экстраординарных событиях крайне лаконично и невнятно. Пришлось обратиться к польской печати.

С ней в Кемерово, где я тогда жил, не было проблем: во всех наших крупных газетных киосках пылились польские газеты – партийная «Трибуна люду» и армейская «Жолнеж вольности». Однако я, запасшись этими изданиями, обнаружил, что понимаю в них только отдельные слова. Учебника польского языка мне достать не удалось, зато в моем распоряжении оказался пухлый польско-русский словарь, и я принялся день ото дня переводить с его помощью статьи из польских газет. Оказалось, что такой нестандартный способ изучения письменного иностранного языка вполне подходит для меня – примерно через месяц я уже читал польские газеты достаточно свободно. Это был первый иностранный язык, который мне в какой-то мере удалось освоить (немецкий не в счет – он являлся моим родным языком).

Мой жадный интерес к забастовкам в Польше и к последующему созданию в Гданьске независимого профсоюза «Солидарность» был вызван вовсе не тем, что меня глубоко волновало будущее этой небольшой малознакомой страны. Мне уже вскоре стало ясно, что появление в соцстранах первых независимых профсоюзов предвещает неминуемый конец всего «реального социализма». Правда, «процесс пошел» не так быстро, как я предполагал в 81-м, но десять лет спустя он все же завершился.

В мае 1994 г. мне единственный раз довелось побывать в Польше, причем именно в Гданьске. Прежний вожак здешних рабочих Л. Валенса занимал в то время пост президента Польши, гданьскую штаб-квартиру «Солидарности» венчал ее громадный стяг. Тем не менее, у меня создалось впечатление, что бывшие рабочие лидеры и их союзники больше не контролируют ситуацию в стране, что им на смену идут совсем другие политические силы.

Через десяток лет таковые действительно пришли: с 2005 г. высшие посты в Польше чаще всего занимают члены партии «Право и справедливость», созданной в 2001 г. братьями Качиньскими. Эта право-клерикальная партия известна своим зоологическим антикоммунизмом, демонстративной русо- и германофобией, рабской покорностью заокеанскому «Большому брату». Если это и есть результат 40-летней борьбы поляков за свободу и демократию, то им остается только посочувствовать.

29. Угроза новой мировой войны

Об угрозе новой мировой (или атомной) войны я знал по советским СМИ с середины 50-х гг., т.е. с раннего детства. Дело не ограничивалось пропагандистскими словесами – в те годы у нас в Кузбассе нередко устраивали так называемые воздушные тревоги. Истошно выли сирены, по улицам бегали дядьки и тетки с носилками и в противогазах, перевязывая и утаскивая условных пострадавших.

Не знаю, какого эффекта ожидали от подобных инсценировок их режиссеры. У меня, когда я немного подрос и прочел басню Л. Толстого «Лгун», наши регулярные «воздушные тревоги» стали ассоциироваться с ее сюжетом. Там мальчик-пастушок приохотился пугать односельчан криками: «Волк, помогите!» Прибегали мужики, но всякий раз никакого волка не находили. А когда он и впрямь прибежал, мужики не восприняли очередные вопли мальчика всерьез, и волк спокойно перерезал всех овец.

Примерно так получилось и в нашем случае – разве что без кровопролития. Нас так часто стращали новой мировой войной, что когда в 1962 г. разразился Карибский кризис и угроза ракетно-ядерной войны между СССР и США стала реальной, как никогда, мы едва обратили внимание на эту опаснейшую ситуацию.

После этого и до середины 80-х гг. пропагандистская кампания по поводу угрозы новой мировой войны в полной мере развернулась в СССР лишь однажды – в непродолжительный период правления Ю. Андропова. При М. Горбачёве тоже имела место аналогичная кампания, но она мотивировалась теперь не новыми «происками империализма», а гибельными последствиями атомной войны («ядерной зимой»).

Математическое моделирование «ядерной зимы» или экологических последствий термоядерной войны, основанное на математических моделях земной атмосферы и мирового океана, было осуществлено в СССР к 1983 г. под руководством академика Н.Н. Моисеева. 10 лет спустя мне довелось встретится с ним на международной конференции о будущем Российской Федерации в Москве, и наша беседа убедительно подтвердила мое представление об академике Н. Моисееве, как о выдающемся ученом и замечательном человеке.

В наши дни российская пропаганда об угрозе новой мировой войны и о возможных последствиях применения ядерного оружия, в сущности, возвратилась к своим «классическим» советским образцам. Однако при этом ситуация усугубилась многократно.

Во времена Карибского кризиса во главе СССР и США стояли соответственно Н.С. Хрущёв и Дж. Кеннеди, ветераны 2-й мировой войны, меньше всего желавшие ее повторения в какой-либо форме. Сегодня ведущими мировыми державами руководят люди, осведомленные о больших войнах, в лучшем случае, по книжкам и документам и практически не имеющие опыта военного командования в подобных условиях.

Далее, ядерное оружие, невзирая на международный договор о запрещении его распространения (1968 г.), все больше расползается по планете. Еще до заключения договора первое ядерное испытание провел Китай (в 1964 г.), после 1968 г. за ним последовали Индия, Израиль, Пакистан, Северная Корея. И это еще явно не конец.

Поначалу, когда американские атомные бомбы были сброшены на японские города Хиросиму и Нагасаки (1945 г.), классы ядерных боеприпасов ограничивались ядерными авиабомбами. С тех пор к ним добавились многие другие боеприпасы: боевые блоки баллистических и крылатых ракет, глубинные ядерные бомбы, якорные и донные ядерные мины, ядерные артиллерийские снаряды, боевые части морских торпед, инженерные ядерные мины, ядерные фугасы и т.д.

Мне с юности известно высказывание А. Эйнштейна (1949 г.): «Не знаю, каким оружием будут сражаться в 3-й мировой войне, но 4-я будет вестись дубинками и камнями». Лучше об угрозе новой мировой войны, по-моему, не скажешь.

30. Перспективы развития человечества

В детские годы я о перспективах развития человечества, признаться, не очень-то задумывался – и не потому, что эта тематика меня не интересовала. Просто моя глубоко набожная мать постоянно твердила при мне о скором наступлении Судного дня, а о таких мрачных вещах я, естественно, размышлять избегал.

Ситуация изменилась в начале 60-х гг., когда я увлекся молодой советской фантастикой. Сначала, конечно, произведениями о будущих достижениях в освоении космоса – ведь дело было в начале «космической эры». Потом пришло увлечение литературными утопиями, особенно книгами А. и Б. Стругацких о коммунистическом «Мире Полдня». Этот период завершился в середине 60-х, когда данные авторы полностью переключились с утопий на антиутопии.

Нынешнее литературоведение по большей части считает, что тем самым братья Стругацкие совершили большой шаг вперед в своем творчестве. Я этой точки зрения никогда не разделял: на мой вкус, антиутопии гораздо примитивней утопий – ведь описывать всякие «страшилки» намного проще, чем пытаться всерьез размышлять о будущем.

Затем я попытался углубиться в футурологию, которую принято считать научной дисциплиной, но она заинтересовала меня еще меньше литературных антиутопий. Футурологи так или иначе экстраполируют на будущее существующие технологические, экономические и социальные тенденции, но так просто развитие человечества, увы, не происходит, о чем свидетельствуют регулярные неудачи в прогнозировании будущего подобным путем.

В большей степени меня привлекло «глобальное моделирование» ученых Римского клуба, начавшего свою деятельность более полувека назад. Правда, их работы в чем-то схожи с литературными антиутопиями, т.к. анализируют в основном различные процессы, угрожающие будущему человечества. Однако ученые, в отличие от литераторов, исследуют не вымышленные, а вполне реальные проблемы, стоящие перед человечеством: гонку вооружений и угрозу развязывания ядерной войны, загрязнение окружающей среды и мирового океана, истощение природных ресурсов, непомерный рост народонаселения, углубление неравенства в развитии многих стран и регионов, расширение зон бедности и нищеты и т.д.

Такого рода исследования в немалой мере зависят от реалистичной оценки существующей ситуации. К сожалению, в этом отношении в последние десятилетия наблюдается не прогресс, а, скорее, регресс. Мне представляется, что на Западе это явление связано в первую очередь с растущей политизацией общественных, а отчасти и других наук в духе пресловутых «европейских» (или «общечеловеческих») ценностей, в России – с постоянными апелляциями к реалиям советского периода, давно уже утратившим актуальность.

В России подобное явление наблюдается не только среди бывших граждан СССР, но и у многих постсоветских аналитиков и даже у некоторых политических деятелей. Эти люди отчего-то склонны забывать, что нынешняя Россия, в отличие от СССР, является типичным капиталистическим государством, представляющим в первую очередь интересы новоиспеченных правящих слоев (постсоветской бюрократии и так называемых олигархов) или «либералов», как они обычно называют себя сами. При этом либералы могут быть как достаточно умеренными, так и вполне оголтелыми, но те и другие по-своему отстаивают позиции правящего класса, а вовсе не совокупного населения страны. Кроме того, упускается из вида, что после распада СССР выросли целые поколения россиян, которые воспитывались в школах и вузах отнюдь не в советском духе.

Вот почему так иллюзорны представления о том, что в России достаточно произвести некоторые перестановки в правительстве (в первую очередь – замену его «экономического блока»), чтобы добиться существенных перемен в экономической и прочей политике государства.

Вместо послесловия

Завершив эту непростую работу, должен признаться, что она получилась не совсем такой, как задумывалась мной изначально. В частности, ее текст оказался по ряду причин значительно короче, чем я предполагал.

Во-первых, мне вспомнилось, что о целом ряде сюжетов я уже не раз писал. Не желая повторяться, свел эти сюжеты в настоящей работе до минимума.

Во-вторых, обнаружилась проблематичность моего намерения сопоставить нынешние события и мое отношение к ним с событиями полувековой давности. Дело в том, что далеко не все события, волнующие меня сегодня, имели свои аналоги 50 лет назад.

К примеру, тогдашние события на Украине меня практически не занимали – если не считать некоторого интереса к ситуации в Донбассе, вполне естественного для уроженца Кузбасса, другого крупнейшего угольного бассейна в СССР. В 90-х гг. мой интерес к Украине существенно расширился, и я стал читать в московских библиотеках книги на украинском языке, но это было связано исключительно с моими исследованиями немецких населенных пунктов на территории Украины.

Виктор Дизендорф
Декабрь 2022 г.